

МАРИ КВИН

ДОМ,
ОТКУДА
Я БЕЖАЛ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мари Квин

Дом, откуда я бежал

«Автор»

2026

Квин М.

Дом, откуда я бежал / М. Квин — «Автор», 2026

Сбежать из маленького городка в Колорадо в восемнадцать лет было самым легким решением в жизни Лэндона Хейса. Теперь он успешный писатель, и возвращаться на семейное ранчо ему совершенно незачем. Но творческий тупик загоняет его обратно — к скрипу ворот, запаху сена, ковбойской работе и истокам, которые он так старательно забывал. Планы рушатся, когда он знакомится с хозяйкой местной кофейни. Кэссиди — полная противоположность его хаотичной жизни. Практичная, теплая, с улыбкой, от которой перехватывает дыхание. Но как остаться человеку, который всю жизнь учился только убегать? И готов ли Лэндон рискнуть всем, чтобы обрести себя?

© Квин М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Миндальное молоко, ябеда ли и вопрос	7
Глава 2. Верный расчет, дороже доллара и надлом	11
Глава 3. Главная тема для сплетен, влажная фантазия и дерьмо	15
Глава 4. Больше шума, выжженная земля и мышцы туриста	20
Глава 5. Городской грешок, справедливое замечание и маленькая бестия	25
Глава 6. Почти презентабельный вид, пауза, от которой дергается глаз, и приятный азарт	31
Глава 7. Местная мыльная опера, нью-йоркская привычка и оба варианта	36
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Дом, откуда я бежал

Пролог

21 мая 2024 год

Нью-Йорк

Лэндон

The New Yorker | Книги и культура

Лэндон Хейс и долгожданное возвращение нео-вестерна

Лэндон Хейс не отвечает на письма. Не постит сторис. Не дает интервью. В тридцать лет он уже не раз заставил литературный Нью-Йорк ахнуть, а сейчас просто выключил телефон. И все равно «Высота: восемь тысяч» — его новый роман — самый ожидаемый предзаказ. Критики называют Хейса «Буковски в седле» и «Палаником, который вышел из бара и зашел в сарай». Хейс не романтизирует Дикий Запад. Он вскрывает его. В его книгах нет героических дуэлей на закате — есть треск замерзшей воды в трубах, судебные тяжбы из-за прав на реку, тихое насилие, которое копится поколениями. «The Paris Review» писал: «Мастер-класс атмосферного саспенса». «The Guardian» добавил: «Он пишет не о Западе. Он пишет из его ребер без прикрас, показывая все изнутри». Сравнения с Буковски и Палаником звучат в каждом обзоре, но у Хейса кровь на страницах не для эффекта. Она — как ржавчина. Появляется сама, когда металл долго не смазывают.

Роман обещан на осень. Нью-Йорк ждет. А где-то на высоте восьми тысяч, вероятно, все еще стучит клавиатура.

Если бы стучала... Раздраженно выдыхаю и ставлю стакан на стойку. Чертова клавиатура не стучит уже давно. Строчки не пишутся, затык не рассасывается. Словно дешевое писательское клише, сижу в баре, пью скотч и пытаюсь понять, что делать дальше. Роман надо сдать редактору уже через месяц, а у меня написано меньше половины.

— Ты молчишь, когда пишешь? Или только когда пьешь?

Она сидит рядом, закинув ногу на ногу. Красные губы, светлые волосы, слишком громкий смех, короткое платье и глаза, которые видят во мне не Лэндона, а газетный заголовок. Ее зовут Хлоя. Или Хлои. Я уже не запоминаю. Третья за этот месяц. Фанатка, которая прочитала цитату про «ребра Запада» и решила, что раз уж я «пишу изнутри», значит, могу выложить собственную душу с костями на столешницу бара вместе с чипсами и лаймом.

Или оказаться внутри нее.

Что сегодня, впрочем, я и планирую...

Последние два месяца у меня один и тот же конвейер: безуспешные попытки выжать главу, виски, бар, симпатичная незнакомка. Удача — если обходится без драк, слез и утренних оправданий перед редактором за попадание в таблоиды.

Хотя пиарщикам это вроде нравится...

Даже вникать не хочу.

— Лэндон? — Хлои напоминает о себе противным капризным голосом.

Усмехаюсь. Отвечаю чем-то вроде «зависит от настроения». Она смеется. Я делаю глоток. Скотч жжет, но не согревает. Ничего не согревает. Ни бар, ни ее пальцы на моем рукаве, ни гул толпы, которая считает меня «голосом поколения». Я просто человек с пустым файлом и дедлайном, который дышит в затылок.

Потом еще стакан. И еще. Она говорит о метафорах, о «сырой энергии», о том, как ждет мой новый роман. Сально подмигивая, шепчет, что готова попросить как следует, чтобы загля-

нута в черновик. Я киваю. В голове крутится одна фраза: «медленный фитиль, который горит без искр». Черт, даже бета-ридер понял меня лучше, чем я сам, и описывает это атмосфернее.

Зависть к бета-ридеру?

Неужели все так плохо, Лэндон?

К черту...

Тянусь за скотчем, но пальцы сами находят шот текилы. Хлои подставляет запястье, посыпанное солью. Я слизываю кристаллы, чувствую горько-соленый вкус на языке, и тут же слышу шепот прямо у уха:

— Поехали уже к тебе?

Я снова киваю, словно хочу отработать этот жест до автоматизма. Мне уже все равно. Квартира, отель, заднее сиденье — разница только в том, где придется утром искать носки.

Выходим на улицу. Ночной Манхэттен встречает нас холодом и мокрым асфальтом. Я спотыкаюсь о бордюр. Хлои смеется, цепляется за мой рукав. Ключи звенят у нее в руке, как монеты в автомате.

— Я за рулем, — объявляет она, швыряя брелок в воздух и ловя его одной рукой. Я не возражаю. Пусть ведет.

Сажусь в салон. Пахнет сладкими духами, кожей и чем-то приторным, как ванильная жвачка. Она заводит мотор. Фары выхватывают из темноты лужи, рекламные щиты.

Хлои в коротком платье, которое задирается до бедер, стоит только ей повернуться. Моя рука сама ложится ей на колено. Кожа теплая. Хлои не отстраняется. Улыбается в зеркало заднего вида, поправляет прядь волос.

— Ты знаешь, — начинает она, переключая передачу, — я всегда мечтала о таком, как в твоих книгах. Ранчо, костер, грубые руки, ковбой, который молчит, но все понимает... Мы бы с тобой... я бы надела шляпу, взяла лассо, мы бы... — она замолкает, подбирая слова. — Ты же вырос на ранчо в Колорадо. Там правда все ходят, как показывают в сериалах?

Я слушаю. Снова, блять, киваю. В горле стоит комок из смеси скотча, текилы и жалости к себе. Хлои говорит о ковбоях, как о персонажах из комиксов. Не знает, что настоящие пахнут потом, конским навозом и машинным маслом. Что они не носят шляпы напоказ, а надевают их, чтобы солнце не выжгло глаза. Что они не спасают, а просто выживают, потому что содержать ранчо — то еще дерьмо.

И самое главное: ковбои не сбегают с ранчо. И не пишут про него бестселлеры.

Но я отгоняю чертовы мысли. Объяснять, как устроена реальная ковбойская жизнь и работа на ранчо сейчас бесполезно. Есть более приятные занятия. Просто провожу пальцами по бедру Хлои, опускаюсь к колену. Закрываю глаза. Машина катится, гудит, вибрирует. Я плыву. Кажется, надрался больше чем обычно...

Дерьмо. Отрезветь бы немного до ее квартиры, чтобы не облажаться. Открываю глаза.

Перекресток. Желтый мигает. Потом красный. Хлои давит на газ. Не тормозит.

Я понимаю все слишком поздно.

Фары. Ослепительно-белые. Врезаются прямо в лобовое стекло. Скрежет металла, треск пластика, оглушительный хлопок подушек безопасности. Воздух вышибает из легких. Меня бросает вперед, ремень впивается в ключицу.

И оглушительно орет сигнализация...

Блять...

Когда моя блядская жизнь скатилась не туда?

Ведь Нью-Йорк должен был все исправить...

Глава 1. Миндальное молоко, ябеда ли и вопрос

25 мая 2024 год

Дорога до Буэна-Виста, Колорадо

Лэндон

Автобус гудит низко и монотонно, вибрируя всем нутром, отдаваясь дрожью в костях. За окном проплывает знакомый, до боли родной пейзаж: скалистые хребты Саватч, уходящие в небо острыми зубцами, сосны, цепляющиеся за каменистые склоны, и эта бесконечная, давящая своим величием синева неба.

Я сижу у окна, прижав к коленям ноутбук в чехле. Рядом, на соседнем сиденье, приютилась единственная дорожная сумка.

Странно. Я должен был вымотаться. Восемь часов дороги. Пересадка в Денвере. Потом ожидание, потом этот автобус, тряский и пахнувший старым дерматином. Плечи должны ныть, глаза — слипаться от усталости. Но вместо этого я просто таращусь в окно, словно впервые вижу эти горы.

Вспоминаю последний раз, когда был в Колорадо. И не помню.

Два года? Больше? Очень много по меркам Нью-Йорка, но в Колорадо... Здесь время течет иначе. Оно не измеряется дедлайнами или презентациями. Оно измеряется сезонами, снегопадами и случкой лошадей.

Как родители с братом воспримут мой внезапный приезд? Мы даже созванивались редко и дежурно.

Между нами лишь слова-пустышки.

Теперь, когда автобус делает поворот, открывая вид на долину Арканзас, внутри поднимается тревожное, щемящее чувство. Не ностальгия. Скорее... вина. Смешанная со страхом.

Блять.

И зачем я решил вернуться в Буэна-Виста?

... Красно-синие мигалки режут глаза, дробятся в осколках стекла и дрожат на радужной бензиновой пленке. Патрульные снуют между машинами, хлопают дверями, что-то отрывисто бросают друг другу. Суета. Как на съемочной площадке, где режиссер забыл сказать «стоп». Я сижу на бордюре. Бетон холодный даже через джинсы. Пытаюсь уложить в голову то, что только что произошло. Авария. Сраная, банальная, до тошноты реальная авария. Нос гудит, из-под левой брови ползет теплая струйка крови. Вытираю тыльной стороной ладони. Кровь смешивается с пылью. Царапины. Синяк. Ничего по сравнению с тем, что могло быть. Хлои влетела в чертов седан на перекрестке. Подушки сработали, но лобовое треснуло паутиной. Она теперь сидит в скорой, обмотанная в серебристое спасательное одеяло, и что-то быстро, нервно говорит парамедикам. Наверное, уже репетирует историю для страховой.

В голове пусто. Просто гул. И запах: горелая резина, металл и воздух, который пахнет дождем и чужой жизнью. Я смотрю на свои руки. Они в ссадинах, ногти в грязи, костяшки побелели. Вчера эти пальцы стучали по клавишам, пытаясь родить хоть одну честную строчку. Сегодня они дрожат от отрезвления. От понимания, что я чуть не сдох в чужой машине, с девушкой, которая любит мой постер, а не меня. С дедлайном, который дышит в спину. С жизнью, которую я выстроил из клише, чтобы не чувствовать, как они пожирают меня изнутри.

Ко мне подходит полицейский. Блокнот, фонарик, усталый голос:

— Мистер Хейс? Вы не пострадали серьезно?

— Царапины.

— Вы употребляли алкоголь сегодня?

— Да.

— Сколько?

— Не считал. Но за рулем была она.

Он кивает, делает пометку. Просто бумажная процедура. Я не обвиняю Хлою. Не защищаю. Просто констатирую факт, как в отчете. Хлоя кричит мое имя из-за дверей скорой. Требовательно. Как будто я обязан подойти, утешить, взять на себя. Я не двигаюсь. Смотрю, как патрульный обводит мелом кусок бампера. Как стекло хрустит под чьим-то ботинком. Как небо над Манхэттеном все такое же черное, будто ему все равно. И вдруг понимаю: я не хочу и дальше вот так прожигать дни и случайно угробить себя в поисках вдохновения. Я хочу вернуться туда, где заборы чинят руками. Где вода идет по расписанию. Где тишина не пугает, а лечит...

Много размышлять о возвращении уже нет смысла. Вижу табличку «Добро пожаловать в Буэна-Висту. Население 3080 человек» и шумно выдыхаю воздух. Он здесь другой. Не спрессованный выхлопами и пылью, как в Нью-Йорке, а разреженный, чистый, бьющий по легким сразу, как ледяная пощечина. Они словно заново вспоминали, как надо здесь дышать без отдышки.

Еще минут десять дороги, и я поднимаюсь, желая выйти где-то в центре. Двери открываются с тяжелым вздохом. Я спускаюсь по ступенькам, удобнее повесив на плечо свои сумки. Оглядываюсь.

Главная улица. Те же низкие кирпичные фасады, те же выцветшие вывески, те же пикапы, припаркованные под углом, будто водители всегда спешат куда-то, но никуда не торопятся. Город не ждал меня. Он просто продолжил жить.

Иду без спешки. Впереди, на углу, где раньше был магазин рыболовных снастей, теперь кофейня. Большие окна, дерево, пара столиков на улице. Над стойкой мелом выведено: «Свежая обжарка. Американо. Латте. Капучино». Усмехаюсь. Прямолинейно. Без нью-йоркского пафоса и модных приставок. Захожу.

Колокольчик тихо звенит. Воздух внутри густой, пахнет обжаренными зернами, корицей и чем-то домашним. Ванилью, свежей выпечкой. Народу немного. Пара стариков в потертых кепках за угловым столиком листают местную газету. Парень в худи уткнулся в ноутбук, не замечая ничего вокруг. Никакой суеты. Только тихий гул эспрессо-машины, шипение пара и звук, которого на Манхэттене не существует: тишина, в которой можно расслышать собственные мысли.

Выбираю столик у окна. Ставлю сумки на соседний стул. Закрываю глаза. Вдыхаю. Выдыхаю. Мне нужно десять минут. Просто десять минут, чтобы собрать себя по кусочкам перед тем, как ехать на ранчо. Перед встречей с Такером. С родителями.

Перебираю в голове фразы. Что сказать, чтобы меня услышали? Чтобы Такер по-братски не съездил мне по челюсти с первого же раза. Но в голове — пусто. Слова, которыми я зарабатывал на жизнь, вдруг превратились в пыль. Гребаный писатель. Даже с собой договориться не могу.

— Добрый день, — вдруг раздается голос справа. — Ты, эм... не местный. На будущее: у нас тут люди сами подходят к стойке и заказывают. А не ждут, пока их обслужат в зале.

Моргаю. Передо мной стоит девушка. Лет двадцати пяти-семи. Рыжие волосы стянуты в высокий, слегка растрепанный хвост, губы чуть припухшие, а на лице — смесь легкого снисхождения и профессионального терпения, с какой смотрят на «городских», ступившим на землю маленьких городков, чья экономика держится на фермерстве и скотоводстве местных ранчо.

Вроде того, что у моей семьи.

Гребаный «Уайт пайн».

Местный «Йеллоустоун»¹ на минималках».

— Добрый день, — отзываюсь я. Поймав себя на мысли, что девушка мне внешне нравится, обворожительно улыбаюсь. — Но сегодня сделаете для меня исключение?

— Глупость и незнание правил прощаем, — отрезает она, даже не моргнув. — Наглость — нет.

Провожу взглядом по ее темному фартуку. Именной таблички нет. Да и зачем она в Буэна-Висте? Здесь все и так знают, кто ты. Или скоро узнают.

— Ладно, я дурак, — подняв руки в знак капитуляции, произношу я. — Принеси, пожалуйста, латте на миндальном молоке и что-то из выпечки дня.

И моя официантка по воле случая одаривает меня таким взглядом, словно я прошу отремонтировать ноутбук, а не принести кофе.

— У нас нет миндального молока, — спокойно произносит она.

— А какое есть?

— Коровье.

Естественно. В мире, где на полках супермаркетов выстраиваются очереди за молоком из овса, кешью и риса, Буэна-Виста честно сообщает: у нас есть корова. И молоко от нее. Никакой альтернативной магии.

— Ладно, — пожимаю плечами. — Тогда черный. Двойной. И... что у вас тут из выпечки?

— Яблочный пирог. Печем сами. Корица, мед с соседней пасеки. Если не любишь сладкое — есть овсяное печенье.

— Беру пирог. И кофе.

— Отлично. Оплата перед заказом.

Я киваю и подхожу за ней к стойке. Прикладываю карту к терминалу. Тот коротко пищит, выплевывая бумажный чек. Девушка уже не смотрит на меня. Включает помол. Шипение пара, гул машины, четкие, отточенные движения рук. Никакой суеты. Просто работа.

Пока жду, осматриваюсь. На стенах — пожелтевшие фото долины, вырезки из местной газеты о ярмарках и сгонах скота, пробковая доска с объявлениями, написанными от руки: *«Продаем люцерну», «Ищем помощника на ремонт изгороди», «Потерялся рыжий пес, отзывается на Бак»*.

— Заказ готов, — ее голос вырывает из задумчивости.

На стойке стоит тяжелая керамическая кружка и тарелка с куском пирога. От начинки идет пар, корица пахнет так вкусно, что на секунду в памяти всплывает кухня матери, осень и звук трактора, глохнущего за окном. Я отгоняю мысль. Не время.

Беру поднос, возвращаюсь к окну. Ставлю кружку на стол. Делаю глоток. Крепкий. Горький. Без пены, без сиропа, без попыток смягчить вкус. Бьет по небу. Отламываю вилкой кусок пирога. Теплый, плотный, с кислинкой. Жую. Закрываю глаза.

Десять минут. Я просил у себя десять минут, чтобы собраться. Но собраться не получается.

В кармане вибрирует телефон. Экран загорается.

«Почта: 3 письма от Маркуса Р.

Тема: СРОЧНО!»

Я не читаю. Переворачиваю телефон экраном вниз. Пусть подождет. Дедлайн никуда не денется.

Поднимаю взгляд. Девушка за стойкой вытирает стол. На мгновение наши глаза встречаются. Она не улыбается. Не кивает. Просто смотрит. И в этом взгляде нет ни узнавания,

¹ «Йеллоустоун» (Yellowstone) — американский телесериал в жанрах драмы и современного вестерна. В центре сюжета — семья Даттонов, которая владеет одним из самых больших ранчо в США.

ни фанатского блеска. Только тихий, почти бытовой вопрос, который она пока не задала: *«Ты надолго здесь, любитель миндального молока?»*

Пожимаю плечами, хотя она этого не видит.

«Сам не знаю», — думаю я. Вероятно, зависит от реакции семьи на возвращение блудного сына.

Допиваю кофе. Оставляю на дне густую, почти черную гущу. Пирог исчезает быстрее, чем я успеваю осознать, что действительно голоден. Встаю. Ноги затекли, но голова не прояснилась. Десять минут истекли. Пора.

Подхожу к стойке, чтобы вернуть кружку и тарелку. Девушка уже протирает столешницу.

— Спасибо, — говорю. Голос звучит глуше, чем обычно.

Рыжая поднимает глаза. В руках — тряпка.

— Не за что. Понравилось?

— Да, — честно отвечаю я и вдруг решаю представиться: — Лэндон.

Она кивает. Без улыбки, но и без прежней стены. Просто принимает имя, как принимают погоду: есть, и ладно.

— Кэссиди. Если понадобится еще один латте на миндальном — в соседнем штате. Тут только коровье, — продолжает она, забирая посуду.

Усмешка чертовски дерзкая, но не злая. Просто... так здесь встречают городских. Не с распростертыми объятиями, а с тихой проверкой. В таких местах гостеприимство не раздают на входе. Его нужно заслужить. Сначала докажи, что ты не тот, кто сбежит обратно в аэропорт, как только начнется настоящая жизнь. А потом — может, и помогут. У меня же совершенно нет ни сил, ни желания доказывать, что жизнь в Нью-Йорке не превратила меня в беспомощного горожанина и что я по-прежнему могу справиться с любой мужской работой, как любой местный.

Но на ответную реплику запал находится:

— Знаешь, в Нью-Йорке с таким обслуживанием на тебя бы уже написали жалобу на Йелп², — усмехаюсь я.

Ее фартук слегка перекошен на левом боку, на запястье — потертый кожаный браслет с выцветшей подковой. Какая-то символика для нее? Или просто старая находка с субботнего рынка у реки? Не столь важно.

Важно, что я начинаю ее рассматривать.

Черт, Лэндон, тебе не хватило Хлои? Та просто манхэттенская кукла, эта явно умеет брать быка за яйца.

— Ты из ябед, что пишут жалобы? — с наигранным интересом спрашивает Кэссиди, наклоняя голову.

И вроде бы простой вопрос. Даже игривый, но... но этот чертов треп возвращает меня в кризис:

— Если честно... — начинаю я, и слова вырываются раньше, чем успеваю их отфильтровать, — ...я бы хотел написать хоть что-то.

Замолкаю.

Блять. В воздухе повисает неловкая тишина. И я спешу взять свои вещи и выйти на воздух, чтобы не провалиться в это болото своих мыслей еще глубже.

² Yelp — это американская компания, которая предоставляет платформу для поиска и размещения отзывов о местных бизнесах, таких как рестораны, магазины, салоны красоты и другие сервисы.

Глава 2. Верный расчет, дороже доллара и надлом

25 мая 2024 год

Буэна-Виста, Колорадо

Кэссиди

— Ну что, Расти, как дела? — спрашиваю я, обходя столик, и ставлю перед ним свежесваренный кофе и его любимый яблочный пирог.

Расти Бейли — единственный человек в этом заведении, кому позволено не подниматься за заказом в любом случае.

— Неплохо, — отзывается он, не отрываясь от экрана. — Поздравляю, Кэс. Бизнес держится. И даже неплохо для первого года.

Его слова вызывают теплую, искреннюю улыбку. Я снова оглядываю зал.

Свою кофейню.

«Хай Граунд».

До сих пор не верится, что в двадцать семь мне удалось открыть хоть что-то свое. Что-то, что не просто выживает, а приносит реальный доход.

— Еще бы, — протягиваю я, легко хлопая его по плечу. — С таким консультантом мне только ленивый не позавидует.

Мозг Расти работает как математическая машина: быстро, точно и без лишних движений, а сам он скромно пожимает плечами.

Расти младше меня на год, но на голову умнее. Мы учились в одной школе. Он — вечный отличник, тихий гик, который еще в старших классах писал студентам на заказ. А я... Ну, я была просто младшей сестрой Оуэна Мейсера, защитника школьной команды по американскому футболу. Собственно, на этом мои школьные регалии и заканчивались.

Наши пути вряд ли пересеклись бы, если бы не моя хроническая непереносимость алгебры. Меня назначили к нему на дополнительные занятия, а потом все как-то само собой вышло: мы оба смотрели «Сверхъестественное», и мне было жутко интересно слушать его разбор косяков братьев Винчестеров с точки зрения физики и логики. Но моя главная победа — я подсадила Расти на «Хор». Мы и по сей день периодически включаем караоке и поем. Нас совершенно не останавливает тот факт, что ни у кого из нас нет ни слуха, ни голоса.

— Все это мило, Кэс, но расслабляться рано, — голос Расти становится серьезнее. Он отодвигает кружку. — Ошибки ты не потянешь. Маржа слишком узкая. И первые три года — самый большой риск прогореть.

Знаю все это. Хмыкаю, но не злюсь: Расти говорит это из заботы. Бросаю взгляд на его ноутбук. Экран залит графиками и таблицами. Вряд ли они имеют хоть какое-то отношение к кофе и выпечке, но спрашивать не лезу. Расти работает удаленно: пишет программы для каких-то крупных компаний и зарабатывает вполне прилично. Просто его интровертность и любовь к тишине прочно приковали его к этим горам. Максимум для него — выйти из дома, дойти до моей кофейни и сменить обстановку за чашкой бесплатного латте и тарелкой пирогов.

И мне, черт возьми, повезло. Самый толковый бизнес-аналитик в радиусе ста миль консультирует меня исключительно за еду и наотрез отказывается брать деньги, говоря, что это просто совет по дружбе.

— Да. Спасибо, — тихо говорю я и оставляю Расти спокойно работать.

Следующие пару часов я ловлю себя на старых, навязчивых мыслях: а стоило ли вообще открывать кофейню в Буэна-Висте? С точки зрения сухого бизнес-плана расчет был верным. В нашем городе напрочь не хватало места, куда можно привести кого-то на первое свидание, не чувствуя себя не в своей тарелке. Никаких уютных уголков с модным латте и атмосферой, как с картинок в «Пинтерест». В школе мне самой не хватало такого пространства. Вроде тех, что

показывают в сериалах. Где можно сидеть часами с книгой, ноутбуком или просто в тишине. У нас был только один пафосный ресторан в центре, пара забегаловок для местных подростков и бары, где пахло разлитым пивом, а по вечерам там зависали ковбои. Так появился «Хай Граунд».

Обвожу взглядом зал, и привычная гордость медленно вытесняет сомнения. Он получился именно таким, каким я его мечтала увидеть. Не вылизанным до стерильности, а настоящим. Стены из старого кирпича, которые мы с отцом и братом аккуратно зачищали и пропитывали льняным маслом, чтобы они не пылили. Барная стойка из переработанного амбарного дерева, найденного на заброшенной ферме за городом. На ней видны следы времени, зарубки, потертости, но именно это придает месту душу.

У окон стоят тяжелые кресла, обитые кожзаменителем, протертым локтями постоянных клиентов. На полках — не модный декор из соцсетей, а книги. Кто принес, тот и взял. Работает простая система: «оставь ненужную, возьми интересную». Над каждым столиком висят лампы с теплым, янтарным светом.

И осматривая все это, я понимаю, что не зря откладывала деньги, брала подработки на местных ранчо, вошла в программу по финансированию малого бизнеса.

Колокольчик над дверью звенит, вырывая меня из раздумий. Я поднимаю взгляд, ожидая увидеть Оуэна, но в зал неожиданно входит Лэндон Хейс.

Черт. Ну надо же.

Первые секунды я смотрю на него как на призрак. Или на кадр из старой школьной фотографии, который вдруг ожил и перешагнул порог. Он проходит к столику у окна. Бросает потертую дорожную сумку на соседний стул. Рядом, аккуратно, кладет чехол с ноутбуком. Садится. И замирает.

Я не отвожу взгляд. Буквально пялюсь на него. Но Лэндон сидит неподвижно, уставившись куда-то в пустоту, словно глубоко нырнул в свои мысли и забыл, как выныривать. Любопытно, жизнь в Нью-Йорке и успешная писательская карьера сделали его высокомерным козлом?

Хейсы — и так всю жизнь были местными знаменитостями, управляя одним из самых больших ранчо в Колорадо. А тут еще и звезда-писатель, разъезжающий с пьяными подружками по Манхэттену, пока все ждут его книгу. Такое явно может добавить пару баллов высокомерия.

И, естественно, в Буэна-Виста сплетничают обо всем.

Жду еще пару минут и понимаю, что Лэндон не поднимет свой зад, чтобы заказать кофе. Иду сама, хочу подколоть, но он никак не реагирует на шутку о том, что он не местный.

Итак, что я имею?

Первое: Лэндон меня не узнал, что, наверное, неудивительно. Наши братья дружат со школы, оба играли в защите, продолжают дружить. Мы же редко пересекались. Я больше привыкла к Такеру, который постоянно зависал у нас. И, учитывая нашу пятилетнюю разницу, тоже относился ко мне как к младшей сестренке.

Второе: козлом его, конечно, не назвать, но кофейные пристрастия Лэндона оказываются слишком модными даже для «Хай Граунд».

И третье: из Большого Яблока он явно вернулся дерганным, учитывая столь стремительный побег...

Когда через полчаса в кофейню наконец заваливается Оуэн с дочкой, я готова перепрыгнуть стойку и рвануть к нему. Брат занимает собой половину дверного проема: широкие плечи бывшего спортсмена, потертая ковбойская шляпа, сдвинутая на затылок, и густая рыжая щетина, которая делает его похожим на добродушного медведя, только что вылезшего из берлоги. Но Ханна меня опережает. Она тут же срывается с места и несется ко мне с той неисся-

каемой энергией, какая бывает только у пятилеток. Ее хвостики подпрыгивают в такт шагам, а в руках она сжимает плюшевого пони, уже изрядно потрепанного жизнью и поездками в отцовском пикапе.

Мой уставший братец плетется следом.

— Привет, тетя Кэсси!

Выхожу из-за стойки, подхватываю племянницу на руки и подставляю щеку.

— Привет, солнце! — отзываюсь я.

Ханна пошла в нас. Почти. Если у нас с Оуэном волосы ярко-рыжие, то у нее — симпатичный медный оттенок, а глаза — светлые, в маму-блондинку.

— И привет, угрюмая туча, — продолжаю я, переводя взгляд на усталого брата.

Оуэн снимает ковбойскую шляпу и кладет ее на стойку. Я всегда посмеивалась над этой привычкой. Ладно, Такер носит — он все-таки управляет ранчо. А Оуэн занимается починкой сельхозтехники и ремонтом машин, как наш отец. Просто продолжает семейное дело. И никогда в своей жизни не пас скот. Но ладно, кому тут судить, кто я такая, чтобы решать, кому положена ковбойская шляпа? Сама этим грешу.

— Ты слишком жизнерадостна, — нахмурившись, предъявляет Оуэн, проводя рукой по отросшей щетине.

— Прости, в следующий раз встречу тебя слезами, — нарочито важно обещаю я.

Ханна хмурится и мотает головой. Ее два хвостика забавно колыхаются.

— Не стоит, но спасибо, — улыбается Оуэн и тут же становится серьезнее:— Заберешь Ханну завтра с урока верховой езды? Это выходные Лайлы, но ей в последний момент поставили смену. А я не успеваю — нужно уезжать. Она должна была забрать, но...

— Да, конечно, — соглашаюсь я.

— Кто-то из нас заберет ее у тебя. Возможно, я освобожусь раньше, — добавляет Оуэн.

— Ничего страшного. Заберу ее в кофейню. Мы отлично проведем время с Тессой. Как раз будет ее смена. А потом созвонимся.

Ханна энергично кивает. Она обожает Тессу. Еще бы. Глядя на нее, пятилетка уже всю фантазирует, как сама станет шестнадцатилетней: свой телефон, своя машина, свои деньги.

Старшие классы. Очень распиаренная эпоха, пора ожиданий и грез о том самом светлом будущем. Но что в итоге? Оуэн и Лайла были вместе в старших классах. Оба номинировались на короля и королеву выпускного бала. Она мечтала о медицинском. Мой брат выбирал вуз — сразу несколько колледжей предложили ему спортивные стипендии. Выбрал. Они расстались. Разъехались. Оуэн играл. Отучился. Пытался найти работу в Денвере. Не вышло. Вернулся, потому что в реальной жизни его спортивные успехи и диплом за них никому не нужны. Потом в город вернулась и Лайла. Жаркое воссоединение. Две полоски. Брак. Три года вместе — и все равно развелись. Все вокруг пророчили им какую-то яркую жизнь. Хотя, кажется, никто из них не жалуется.

— Почему не сказал, что Лэндон вернулся? У Хейсов, наверное, жарко, — наконец, спрашиваю я то, что интересовало все это время.

Но Оуэн хмурится. Я ставлю Ханну на пол и пялюсь на удивленное лицо брата.

— Я виделся с Таким утром. Он ничего не говорил про возвращение брата, — озадаченно произносит Оуэн. — Ты уверена?

— Да, — твердо произношу я, вспоминая чертово миндальное молоко.— Значит... дерьмо там будет еще более жаркое, если Такер не в курсе возвращения блудного брата, — осознаю я.

— Доллар за плохое слово! — подает голос Ханна, дергая меня за фартук.

Черт! Она ведь только и ждет поймать кого-то на таком...

— Возьмешь печеньем? — опустив голову, спрашиваю я.

Племяншка тут же кивает и протягивает отцу плюшевого пони. Жестом показываю ей, чтобы взяла с прилавка.

— Печенье стоит дороже доллара, — ухмыляется Оуэн. — Еще зовешь себя предпринимателем.

— Это за три слова, Ханна, — громче говорю я.

— Хорошо, — уже жуя печенье, соглашается она, я же победно смотрю на брата: — А стоит оно меньше трех баксов.

Оуэн поднимает руки в знак капитуляции. Мы смеемся. Но я так и думаю о Хейсах.

— Насколько сильно они тогда поругались? — серьезнее спрашиваю я.

— Дошло до драки, — вспоминает Оуэн. — Еле расцепил их.

И услышанное не обнадеживает. В этой семье всегда был какой-то странный надлом, который я так и не понимаю. Но который чувствуется по сей день.

— Думаешь, стоит предупредить Такера? — спрашиваю я.

— Давай я сам разберусь с этими придурками, — тут же твердо отвечает Оуэн. — Не переживай.

Я соглашаюсь. И делаю вид, что совсем не обижена на то, что на свой вопрос получила туманный ответ из факта, который и так хорошо знала.

Глава 3. Главная тема для сплетен, влажная фантазия и дерьмо

25 мая 2024 год

Буэна-Виста, ранчо «Уайт Пайн», Колорадо

Лэндон

«Странно снова быть здесь» — единственная мысль, что крутится в голове, пока такси везет меня к «Уайт Пайну». К счастью, водитель молчит. Не узнает. Не знает, кто я и чей я сын. Или просто устал, поскольку несколько раз все-таки странно посматривал на меня. В любом случае, должен признать: сегодня мне в этом повезло. Я вглядываюсь в окно. За стеклом мелькают знакомые повороты, и я понимаю — скоро мы окажемся у ворот.

Асфальт сменяется широкой, аккуратно отсыпанной гравийкой, по которой легко ходит тяжелая техника. Дорога идет вдоль полноводного ручья — ирригационные шлюзы отлажены, вода бежит четко по графику. И, наконец, за поворотом открывается территория ранчо.

Сначала — периметр, мили исправной изгороди: свежий лес, ровные калитки. Ворота массивные, стальные, с аккуратно вырезанным логотипом «Уайт пайн», подковы с ветками сосны. Они встречают нас так, будто здесь все давно отлажено. И так оно и есть.

Машина сворачивает на главную аллею. По обе стороны — ухоженные пастбища, где пестрое стадо лениво щиплет траву. Слева высятся новые ангары: длинные, под стальными крышами, с широкими воротами для кормоуборочной техники и тракторов. Справа — рабочие загоны, чистые, с крепкими стойками и автоматическими поилками. Там уже пасутся лошади, фыркают, переступают копытами по земле.

Дальше — главный дом. Двухэтажный, из добротного, потемневшего, но хорошо обработанного кирпича.

Я вжимаюсь в сиденье. Запах за окном меняется: выхлоп уступает место полыни, нагретой земле и легкому аромату свежего сена. Горы на фоне стоят так же, как и в детстве. И на миг, смотря на них, я вспоминаю свой восторг, когда был ребенком. Таксист глушит мотор.

— Приехали, — сообщает он, не дав мне окунуться в воспоминания.

Киваю. Вынимаю купюры и молча расплачиваюсь. Дверь открывается, и на меня обрушивается разреженный, чистый, бьющий по легким воздух. Выхожу, вешаю свои сумки на плечо.

Впереди — дом, в котором сегодня меня никто не ждет. Справа — диспетчерская и ветеринарный блок. Слева — дорога к верхним выпасам, где уже виднеются силуэты рабочих.

Рабочих, которые уже заметили, что приехала машина.

Блять...

Иду к главному дому, делая вид, что не замечаю их взглядов. Как быстро меня узнают? К несчастью, если в маленьком городе ты хоть немного прославился, то тут же становишься местной легендой. В коридоре старшей школы до сих пор висит мой портрет с надписью «Выдающийся выпускник». И здесь люди помнят. Они всегда помнят. И узнают.

Кроме той рыжей. Кэссиди...

Надо было оставить ей чаевые, а не сбежать, стоило только услышать намеки на то, чтобы хоть что-то написать.

Который она явно даже не пыталась дать.

Выдыхаю. Смотрю на часы. Четыре вечера. Отец и Такер наверняка еще на пастбищах. Все в работе. А вот мама...

— Тебе помочь, дружище? — раздается за спиной хриплый мужской голос. В нем явно слышится предупреждение «если ты, чужак, ищешь проблемы, то ты их нашел».

— Нет, — твердо отвечаю, оборачиваясь.

И тут же слышу шепот. Я не знаю этих парней, но один уже точно опознал меня. Судя по пыльным комбинезонам и поясам с инструментами — плотники или строители. Чинят что-то или строят. На ранчо всегда полно работы. И полно глаз, которые тебя оценивают.

Звоню в дверь. Хочется просто исчезнуть от этих взглядов, разговоров.

Но...

Блять. Гребаное неизбежное внимание. Теперь я официально — главная тема для сплетен на ближайшие пару недель.

Дверь открывается не сразу. Слышится тяжелый поворот засова, скрип петель, и на пороге возникает Мэйв.

Мама. Ей за пятьдесят. Ее темные волосы, уже густо тронутые сединой, стянуты в низкий пучок. На ней простая льняная рубашка, заправленная в потертые джинсы, и жилетка с вышитым логотипом «Уайт Пайн».

Мама ведет всю операционную часть ранчо: контракты, водные права, зарплаты, логистику поставок. Без ее таблиц, графиков и железной памяти «Уайт-Пайн» давно бы развалился от бумажной волокиты. Мама не носит шляпу и не гоняет скот. Она держит все это на плаву.

И она на секунду замирает, внимательно смотря на меня. Потом в ее глазах вспыхивает чистое, ничем не разбавленное узнавание. Без упрека. Без «где ты был два года». Только легкий выдох, словно она долго задерживала дыхание, а теперь наконец может вдохнуть.

— Лэндон? — удивленно произносит мама. Голос чуть дрожит, но она быстро берет себя в руки. — Ты похудел. И загорел меньше, чем положено горному парню.

— Нью-Йорк не Буэна-Виста, — смеюсь я.

Делаю шаг вперед и обнимаю маму под ее негромкий смех. Она пахнет лавандой, старым деревом и чем-то теплым.

— Привет, мам, — бормочу в ее плечо.

Она слегка сжимает меня и отпускает.

— Заходи. Я поставлю чайник. Расскажешь мне все.

Я переступаю порог. Дверь за спиной мягко закрывается, отрезая шепот рабочих, пыль гравийки и два года молчания. Внутри дома — тепло. Пахнет корицей, свежей выпечкой и каким-то забытым спокойствием.

Это парадокс жизни на ранчо: снаружи — вечный механизм: техника, графики, люди, погода, скот, бесконечный список дел, который не кончается никогда. Но и время не давит, не бежит. Оно просто течет. Мягче. Увереннее. Это чувствуется с первых шагов. После суеты Нью-Йорка — это как попасть в другое измерение. Ритм, который задает Буэна-Виста, кажется чужим и одновременно каким-то забыто-родным.

Иду за мамой в кухню, скользя взглядом по знакомому коридору. Те же крючки для шляп и курток, ковбойские сапоги на подставке для обуви. Дом почти не изменился, но его обновили. Пол из темного дуба отшлифован до матового блеска, но потертости у порога и вдоль стен остались. Слева — гостиная. Массивный камин из речного камня теперь обрамлен черным металлом. Вместо громоздкого кожаного дивана — глубокий современный секционный в коричневом тоне. На подлокотнике небрежно свисает плед, будто его только что поправили. Справа — лестница на второй этаж. Ничего лишнего. Никакого нью-йоркского минимализма или показного лофта.

Мама останавливается у широкой арки, ведущей в кухню, и пропускает меня вперед. Центральный остров — из массива ореха с каменной столешницей, вокруг — четыре барных стула на металлических ножках. За ним — профессиональная плита и мощная вытяжка, но рядом, на открытых полках, по-прежнему стоят чугунные сковороды и старая медная турка, которую я помню с детства. На холодильнике из матовой стали магнитами держатся распечатки и лаконичная записка на листе из блокнота: «Забор восточного поля — проверить. Запчасти в гараже.»

— Садись, — говорит мама, включая чайник. — Чай будет через минуту. А потом расскажешь, как тебя занесло обратно, или будешь молчать до ужина?

Я теряюсь.

— За чай спасибо, — отвечаю. — А остальное...

Слова в очередной раз меня подводят. Странно: я строю из них целые миры для незнакомцев, а о собственном возвращении не могу связать и двух.

— Не знаю, что сказать, — признаюсь я. — Просто... понял, что хочу приехать домой.

Мама забывает про чайник и смотрит на меня так, как в последний раз смотрела, когда я был подростком. Этот чисто материнский взгляд, которым она видит боль, которую ты не можешь выразить словами.

Которую и не надо выражать. Она просто ее ощущает.

И от этого становится неловко.

— Извини, что без предупреждения. И приглашения, но...

— Лэндон, сынок, что за ерунда? Тебе не надо предупреждать никого. Это всегда твой дом, несмотря ни на что.

Улыбаюсь ей. Киваю. Благодарю.

Несмотря ни на что...

Мы молчим, пока чайник не издает щелчок. Мама суетится с чашками, разливает кипяток. Пар поднимается, на секунду окутывая нас, как туман над долиной ранним утром. Она ставит кружку передо мной, сама берет свою и прислоняется бедром к каменной столешнице.

— Отец сегодня в верхней мастерской, — говорит она, глядя в окно. — Перебирает старый комбайн. Такер ушел на рассвете на южный выгон. Вернутся к шести, если не застрянут в грязи после вчерашнего ливня.

Я киваю, обхватывая ладонями теплую чашку. Чай пахнет чабрецом и медом.

— Ты выглядишь так, будто тебя гнали через весь штат пешком, Лэн, — мягко добавляет мать. — Поднимись в свою старую комнату. Я сейчас принесу тебе чистое постельное белье. Примешь душ, переоденешься, полежишь хоть час. Ужин в семь. Отдохни.

Я обхватываю кружку ладонями. Тепло пробивается сквозь пальцы.

— Не хочу, — твердо говорю и поднимаю на нее взгляд. — Хочу переодеться с дороги. И помочь тебе. С чем угодно. Нарезать, помыть, разобрать ящики. Что там у тебя сегодня?

Хочу занять себя чем угодно. Чем-то другим, что не связано с барами, выпивкой и женщинами на одну ночь...

Заземлиться через простые, понятные задачи, где не нужно придумывать сюжет или выстраивать метафоры, а нужно просто делать.

Может, это поможет? Ведь когда-то я с этого начинал...

— Картофель в подвале, — тут же говорит мама, кивая в сторону кладовой. — Мешки тяжелые. А морковь еще не мыта, лежит в ящиках у раковины. Если действительно хочешь помочь, то как переоденешься, бери фартук с крючка.

— Звучит как план, — усмехаюсь я.

Мы с мамой режем овощи. Руки заняты, разговор течет сам собой. Она рассказывает, как идут дела. Такер развивает ранчо. Теперь тут дают уроки верховой езды. Кроме того, он думает об иппотерапии³. Отец, наконец, заменил ржавую крышу на северном амбаре. Оуэн все так же приезжает на ранчо. Он с Лайлой, несмотря на развод, научились нормально делить время с Ханной. Ранчо получило грант на восстановление участка реки. Местные подростки снова

³ Иппотерапия — это метод реабилитации с использованием лошадей, который помогает людям с физическими, психическими и эмоциональными нарушениями.

пытаются проехать на квадроциклах через верхнее пастбище, и Такеру приходится каждый раз объяснять одно и то же.

Я слушаю, киваю, подбрасываю лук на раскаленную сковороду. Пахнет чесноком, оливковым маслом.

И вдруг без стука распахивается дверь. В проеме возникает Такер.

Черт. Он кажется еще больше, чем в прошлый раз. Шире в плечах, плотнее в поясе. На лице отросшая щетина с усами. Одежда банальна до смеха: потертые джинсы «Вранглер», поверх — рабочие чапсы, забрызганные пылью и чем-то темным. Темно-серая футболка прилипла к телу, волосы слегка засалены от дневной жары, тяжелые ковбойские сапоги в сухой глине, на руках рабочие перчатки. От него идет резкий запах пота, конской шерсти, машинного масла и нагретой кожи. Настоящий аромат ранчо.

Я смотрю на свои руки. На предплечья, которыми гордился после года в спортзале в Сохо. Три раза в неделю, железо, протеин, тренер. А тут — один взгляд на брата, и я чувствую себя дрищем, который просто играет в культуриста. Тяжелая физическая работа не имитируется на беговой дорожке. Такер останавливается, вытирает тыльной стороной ладони лоб. Смотрит на меня. В его глазах — та же оценка, что и у рабочих у ворот. Просто факт: ты здесь. Видимо, уже узнал, раз не удивлен.

Я усмехаюсь, пытаюсь разрядить воздух, который вдруг стал слишком густым.

— Ты сейчас просто ходячая влажная фантазия нью-йоркских девушек, когда они думают о ковбоях.

Повисает секунда тишины. Мама замирает с деревянной ложкой в руке. Я смотрю на брата, надеясь, что незлая шутка сработает как предохранитель от конфликта.

Уголок рта Такера дергается. Не улыбка. Но что-то близкое. Напряжения меньше не становится.

Такер снимает рабочие перчатки, бросает их на край столешницы.

— Влажная фантазия, — саркастично повторяет он. Голос низкий, хриплый от пыли и дневного солнца. — А здесь это просто рабочий день.

Я киваю. Понимаю, шутка действительно была дешевой. Но ведь только такие и были между нами одно время.

Такер подходит к раковине и включает воду. Я тупо пялюсь, как он моет руки.

Вода течет по рукам, смывая грязь с костяшек, вымывая дневную пыль из складок кожи. Я смотрю, как пенится мыло, как Такер методично трет ладони, словно выигрывает время для этого диалога. Он не смотрит на меня. Ему и не нужно. Это молчание не пустое — оно тяжелое от всего, что мы не сказали за два года.

Мама не вмешивается. Знает, что нам нужно самим разобраться, но и не уходит, понимая, что при ней мы оба будем держать себя в руках. А я впервые ощущаю между нами с братом такую пропасть. Будто между нами разница поколений, а не жалкая пара лет.

— Я помню, какие здесь рабочие дни, Так, — твердо отзываюсь я.

Кажется, теперь все, начиная с девчонки в кофейне и заканчивая семьей, видят во мне исключительно городского парня.

— Неужели? — недоверчиво спрашивает он.

— Я пока остаюсь здесь. И если есть работа, то я готов работать.

Знаю, Такеру не нужны мои слова, извинения, истории. У него другой язык. Сначала нужно вернуть его уважение. И только потом пытаться говорить. Наверное, для меня это сейчас то, что нужно. С действиями у меня лучше, чем со словами.

— Думаешь, ранчо только тебя и ждало, Лэн? Оно просто работало. Как работало, когда ты уехал, так и будет работать, если снова сорвешься.

Слова не режут. Я не обижаюсь. Потому что это правда. И потому что я сам не знаю, что ему ответить. Такер злится на меня. Имеет право. Еще и учитывая, что я так и не попросил прощения за сказанное два года назад.

— Я не собираюсь срываться, — наконец, выдавливаю я. Голос звучит тише, чем хотелось бы. Снова пытаюсь разрядить обстановку: — По крайней мере, не сегодня.

— Обнадёживает, — хмыкает Такер, но на этот раз беззлобно.

Я вдруг осознаю гребаную правду его заявления. Я сорвался тут два года назад и драматично вернулся в Нью-Йорк. И потом сорвался там, упустив контроль над жизнью, и снова приперся сюда. В место, из которого бежал. Где конец этого родео?

Что я, блять, творю?

— Я чертов придурок, Такер, — серьезнее продолжаю я. — На этом все.

Брат поворачивается. Наконец смотрит прямо. В его глазах нет злости. Только усталость. Та самая, что копится годами, когда ты отвечаешь за все: за изгороди, за воду, за людей, за отца, который уже не может подниматься по крыльцу без остановки. И за брата, который уехал писать про ковбоев, пока здесь мерзли трубы, а настоящие ковбои ждали свой чек за сделанную работу.

— Завтра в шесть у восточного загона, — ровно говорит Такер. — Нужно перетянуть проволоку и вычистить канаву после вчерашнего ливня. Если придешь — бери перчатки из синего ящика. Если нет — не надо притворяться, что ты здесь ради дела. Кевин все тебе покажет.

Киваю.

Такер кивает в ответ. Коротко. Без подтверждения. Без обещаний. Просто фиксирует договоренность.

Он разворачивается и выходит из кухни. Тяжелые сапоги стучат по половицам, пока не замирают в коридоре.

Мама возвращается к плите. Шипение масла, стук ложки о кастрюлю, запах томатов и базилика. Она не говорит «хорошо» или «молодец». Она просто продолжает готовить. И в этом — ее способ сказать: шаг сделан. Теперь иди дальше.

И черт дери, мне действительно остается только одно: идти.

Как-то колупаться в том дерьме, которое я сотворил сам.

Глава 4. Больше шума, выжженная земля и мышцы туриста

26 мая 2024 год

Буэна-Виста, ранчо «Уайт Пайн», Колорадо

Лэндон

Время давно за полночь, а я так и сижу, пялясь на документ, и перечитываю последний абзац. Курсор мигает, как издевка. Двенадцать строк. Двенадцать строк, которые я переписываю уже третий час, пытаюсь передать ими хоть каплю того напряжения, которое должны переживать читатели на кульминации. С которым должны идти к чертову финалу. Не выходит. Пальцы немеют. Челюсть сжата так, что ноют жевательные мышцы. Я стираю все. Зажимаю «Backspace», пока экран не белеет.

Когда глаза начинают резать от яркости экрана, захлопываю крышку ноутбука и оглядываюсь.

Комната изменилась. Мебель теперь другая: стол — гладкий, функциональный, без старых царапин и стикеров. Кровать — новая, не скрипит под весом.

А вот мои книги на стеллаже остались. На той же полке, в том же хаотичном порядке, в каком я их бросил перед отъездом. Потрепанный Кинг, зачитанный до корешка Маккарти, старый томик Буковски с загнутыми страницами и засохшей кофейной каплей на обложке, Керуак.

Достаю «На дороге» и усмехаюсь своей подростковой мечте так же отправится в путь. Вырваться из этого маленького городка, в котором нет перспектив. В котором только и остается, что гробить себя на чертовом никому не нужном ранчо.

«Гробить себя на чертовом никому не нужном ранчо», — кажется, Такер мне врезал как раз после чего-то в этом духе.

Открываю книгу на первой главе. Решаю немного почитать, чтобы разгрузить голову. Но сначала — чай.

Тихо выхожу из комнаты, направляюсь к выходу и невольно бросаю взгляд на дверь, за которой когда-то была спальня Такера. Теперь он живет в охотничьем домике на территории ранчо. А раньше...

Раньше мы частенько устраивали ночные посиделки. Особенно в детстве...

Сейчас я просто рад, что наша первая встреча за два года прошла мирно. С отцом — так же. Хотя ужин все равно вышел напряженным. Спасибо маме: она до последнего пыталась его спасти. И отдельное спасибо, что ничего не спрашивала про ту аварию, хотя, я уверен, видел по ее долгому взгляду на мои синяки, это молчание стоило ей больших усилий.

Дохожу до кухни, нахожу заварку, ставлю чайник и в ожидании, пока закипит вода, смотрю на ночное ранчо через окно.

За стеклом — ни огонька, кроме подсветки на амбарах и россыпи звезд над хребтом. Горы сливаются с небом в темную, тяжелую массу. И тишина. Только электрический чайник немного шумит.

В Нью-Йорке ночь была другой. Она гудела. Мигала неоновыми вывесками, выла сиренами, вибрировала гулом машин, и мне становится не по себе. Внезапно хочется больше шума.

Кипящий чайник резко щелкает, отключаясь. Звук в пустой кухне кажется оглушительным. Я даже вздрагиваю. Черт.

Вот тебе и шум, Лэндон.

Заливаю кружку.

И все в этой чертовой тишине.

Острее хочется, чтобы заиграло радио из соседней квартиры, чтобы проехал грузовик, чтобы кто-то хлопнул дверью. Чтобы мир напомнил: ты не остался один на один с собой.

Уже на пути к восточному загону я стал жалеть о трех часах сна. Рассветает. Но прохладный воздух бьет по лицу, забирая остатки сонливости. Туман еще стелется по низинам.

Я тащусь к изгороди и сразу замечаю Кевина. Он почти не изменился. Все тот же широкоплечий, чуть сутулый мужик чуть за сорок. На нем рабочие джинсы, потертые на коленях, тяжелые ковбойские сапоги, заляпанные старой глиной, и фирменная куртка ранчо — темно-зеленая, с вышитым логотипом «Уайт Пайн» на груди. Лицо обветренное, в сетке мелких морщин, но глаза смотрят со смехом. Кевин широко улыбается с тихой усмешкой, которая говорит: *ага, вот и ты*. Его явно забавляет план Такера — заставить меня начать с низов, с грязи и проволоки. Работы, которую поручают новичкам. Не удивлюсь, если следующим заданием будет чистить стойла лошадей.

— Давно не виделись, Лэндон, — Кевин направляется ко мне, и в его голосе звучит неизменная дружелюбность. — Как там Нью-Йорк?

— Нормально, — отвечаю я, протягивая руку. Его грубая, сухая ладонь крепко сжимает мою. — А у вас тут как?

Кевин лишь усмехается и пожимает плечами. Мол, как обычно, не знаю, что сказать.

Я снова смотрю на его сапоги, на куртку, потом опускаю взгляд на свои городские кроссовки, уже промокшие от утренней росы, и на нелепое худи со спортивными штанами, которые в горах выглядит как костюм для туриста. Черт возьми. Мне нужно будет раздобыть такие же сапоги и рабочую куртку. Или хотя бы перестать тащиться сюда, как на утреннюю пробежку в Сохо.

— Я так понимаю, что теперь ты мой босс? — уточняю я, натягивая плотные рабочие перчатки.

— Правильно понимаешь, — беззлобно усмехается Кевин. — Бери инструменты и пошли.

Я подхватываю тяжелый металлический ящик, и мы идем вдоль изгороди. Минут пять молчаливого марш-броска по мокрой от росы траве, пока не останавливаемся у покосившегося деревянного столба.

— Начнем с этого, — Кевин кивает на провисшую проволоку. — Сначала натяжитель. Не дергай со всей дури, дай металлу привыкнуть. А потом скобы. Бей молотком ровно, чтобы дерево не треснуло.

Я пробую. Руки помнят меньше, чем хотелось бы. Первые удары выходят смазанными, но Кевин не одергивает. Просто стоит рядом, курит и изредка кивает: «Так, нормально. Еще пол-оборота».

Когда с проволокой покончено, он указывает лопатой на прилегающую канаву, забитую опавшими листьями и илом после вчерашнего дождя.

— А теперь вода. Если она не течет, она гниет. Чистим до твердого дна.

Я беру лопату. Глина липкая, тяжелая, налипает на металл комьями. Это чисто механическая работа. Раз, два, выбросить на берег. Раз, два, выбросить. Спина начинает ныть уже через десять минут, но в этом ритме есть странное успокоение. Мозг отключается. Остаются только мышцы и звук шлепающей земли.

Мы работаем в тишине минут двадцать, и вдруг Кевин, опираясь на черенок лопаты, говорит совершенно будничным тоном:

— Кстати, дочитал на днях твою последнюю книгу.

Поворачиваю голову, ожидая подвоха, сарказма или дежурной фразы вроде «моя жена в восторге» или «посоветовала эту книгу коллеге». Но Кевин смотрит не на меня, а на дальний

склон холма. Он говорит совершенно невозмутимым тоном, словно оценивает качество нового забора.

— Хорошая вещь, — продолжает он. — Читается быстро. Держит в напряжении. Но концовка...

Он делает паузу, и я невольно задерживаю дыхание.

— Слишком трагично, Лэн. Как будто больше нет надежды, если ты оступился.

В горле внезапно пересыхает. Это та самая мысль, которую Кlover, моя бета-ридер, пыталась донести до меня месяцами, отправляя правки с пометкой «недостовверная мотивация». Я отмахивался, называя это «непониманием жанра» и «требованиями рынка». А сейчас, от человека, который всю жизнь чинит то, что другие ломают, эти слова звучат иначе.

— Может быть, — наконец, выдавливаю я. — Может, я просто не знал, как заставить его встать. Что поможет человеку, который теряет абсолютно все. Смысл жизни. У которого, в прямом смысле слова, остается только выжженная земля?

Кевин вонзает свою лопату в глину, с усилием выворачивает тяжелый пласт и откидывает его на берег. Движение отработанное, экономное, без лишних рывков.

— Знаешь, в прошлом году был небольшой пожар на верхнем выгоне.

Я молчу, крепче сжимая черенок.

— Выглядело жутко. Черная земля, один пепел. Казалось, там теперь ничего не вырастет, конец. Но прошел первый же дождь. И эта зола стала лучшей подкормкой для земли, какую только можно придумать.

Кевин делает паузу, глядя на влажный, темный срез канавы. Ловлю себя на том, что начинаю внимательно его слушать.

— Трава после огня всегда лезет самая густая и крепкая, — просто говорит он. — Старые, гнилые корни сгорели, мешать некому. Ей просто надо расти.

Он поворачивается ко мне и смотрит прямо в глаза.

— Твоему парню не надо искать смысл там, где все сгорело. Смысла там нет, одна зола. Ему надо просто взять эту чертову лопату. Или мешок семян. И начать копать. Не ради какой-то красивой, высокой цели, а просто потому, что завтрашний день никуда не денется. И к нему надо быть готовым. Так поступают на ранчо. Тут некогда думать о потерянном, надо вернуть это или не потерять еще больше.

— Слишком оптимистично для жанра, Кевин, — беззлобно усмехаюсь я.

— Жанр — это наклейка на обложке, чтобы книгу купили, — бурчит он, не прекращая работы. Лопата с чавканьем входит в землю, выворачивая очередной тяжелый пласт. — А жизнь — это то, что начинается, когда ты книгу закрыл. Какова твоя цель, Лэн? Просто показать, какая жизнь — дрянь, или как в этой дряни колупаться?

И тут я задумываюсь. Та чертова книга уже давалась мне с боем. После оглушительного успеха прошлых романов я поставил себе задачу: дать читателям «настоящего» Лэндона Хейса. Без глянца. Без красивых спасений. Грязный реализм ранчо, пыльных дорог, людей, которые ломаются и молчат. Я выжимал из себя эту черноту, думал, что так и надо. Что честность — это когда все плохо, и выхода нет.

Но глядя на эту канаву, на влажную землю под ногами, задаю себе вопрос, который слышал от Кlover: а не перемудрил ли я? Не увлекся ли собственной мрачностью, превратив историю в приговор, вместо того чтобы написать о том, как люди выбираются из ямы?

Надо будет написать ей. Обсудить все, выслушать заново. Хотя наслушаюсь же я ее театрального «я же говорила».

— Хватит на сегодня, — решает Кевин, стряхивая грязь с лезвия лопаты. Его голос выбивает меня из мыслей. — Для первого раза с твоими городскими руками этого достаточно. Иначе завтра ты не разогнешься, а работы у нас много.

Кевин выпрямляется, потирает поясницу и смотрит на проделанную работу. Канава чистая, вода уже начала медленно, но верно сбегать вниз, унося с собой муть.

Я с облегчением (и с легкой, приятной болью в мышцах) опираюсь на черенок. Солнце уже полностью взошло, пробиваясь сквозь остатки тумана и окрашивая мокрую траву в ослепительно золотой цвет. Воздух стал теплее, пахнет сырой землей и хвоей. Вопреки моим ожиданиям, Такер не пришел проверять работу. Хороший знак или плохой?

— Спасибо, Кев, — серьезно говорю я, отгоняя мысли.

— Не благодари, — он кивает в сторону дома. — Иди, выпей кофе. Мэйв сказала, завтрак будет ждать на столе.

Медленно иду обратно к дому. Кроссовки хлюпают, худи тяжелое от росы, спина ноет так, будто по ней проехался комбайн.

Каждый шаг отдается глухой, ноющей болью в пояснице и плечах. Мои «городские» мышцы, привыкшие к эргономичным креслам и гантелям по расписанию, протестуют против этой непривычной, грубой нагрузки. Но странное дело: эта боль не раздражает. Она честная. Она реальная. В отличие от той вязкой, липкой тревоги, что месяцами сидела у меня в затылке перед пустым экраном монитора.

Я добираюсь до крыльца. Снимаю промокшие кроссовки, стараясь не запачкать деревянные ступени комьями глины, и захожу внутрь.

Дверь за спиной отрезает утренний холод. В доме пахнет жареным беконом, свежемолотым кофе и теплым хлебом. Этот запах бьет в голову сильнее любого эспresso, мгновенно размораживая оцепенение.

Мама стоит у плиты, папа сидит за столом. Он долго смотрит на меня, а потом начинает смеяться. Сначала это тихий, сдвинутый смех, который быстро перерастает в глубокий, грудной хохот, заставляющий его широкую фигуру сотрясаться. Отец смеется не зло и не насмешливо. Он смеется так, как смеются старые друзья, увидевшие друг друга в абсолютно нелепой ситуации. Это звук, который я не слышал годами.

Я замираю на пороге. Наверное, выгляжу жалко: мокрые спортивные штаны, прилипшее к телу худи, размазанная по лбу грязь и взгляд загнанной лошади.

Папа вытирает выступившую слезу тыльной стороной огромной ладони. Ему за шестьдесят, но выглядит он старше. Его плечи все еще широкие, хоть и чуть сутулятся, выдавая годы тяжелой работы. Седина густо пробивается в его коротко стриженных волосах, а лицо покрыто сетью глубоких морщин, особенно вокруг глаз, которые до сих пор сохраняют пронзительный, цепкий цвет стали. Но главное — это его руки, лежащие на дубовом столе рядом с кружкой черного кофе. Узловатые, с коротко остриженными ногтями и ввевшейся в кожу землей, которую не берет никакое мыло. Руки человека, который удерживает это ранчо на плаву каждый божий день.

— Вижу, Кевин не стал с тобой нянчиться, — наконец произносит папа, и в его голосе, обычно таком суровом и командном, проскальзывает теплая, отеческая ирония. — Теперь действительно добро пожаловать домой, сынок.

— Брок, — тепло произносит мама и с игривым укором продолжает: — Дай ему сначала поесть, а потом будешь смеяться.

Отец лишь усмехается и машет рукой.

— Одно другому не мешает.

Мама ставит передо мной тарелку с дымящейся яичницей и хрустящим беконом, тихонько смеясь вместе с ним.

— Ешь, — говорит она, проводя ладонью по моим взъерошенным, влажным волосам. — Тебе нужны силы. Отец прав. Сегодня ты выглядишь как мокрая курица, но завтра будешь выглядеть как настоящий Хейс.

Я смотрю на отца. Он поднимает свою кружку в немом, молчаливом тосте. В его глазах нет того холодного разочарования или осуждения, которое я боялся увидеть больше всего на свете.

Я подтягиваю стул и сажусь. Спина протестует резкой, ноющей болью, но я игнорирую ее.

— Спасибо, пап, — говорю я, и это «спасибо» значит гораздо больше, чем просто благодарность за еду или за то, что он не стал читать мне лекцию.

Глава 5. Городской грешок, справедливое замечание и маленькая бестия

27 мая 2024 год

Буэна-Виста, кофейня «Хай Граунд», Колорадо

Кэсси

Я не собиралась этого делать. Честное слово, даже в мыслях не держала. Но потом мой взгляд зацепился за знакомый корешок на книжной полке в «Хай Граунд». Дебютный роман Лэндона. И дальше все произошло как в тумане.

Я взяла книгу в руки. Зачем-то начала читать. Точнее, даже не читать, а просто листать, выхватывая отдельные фразы и абзацы. Благо, утреннее затишье и пара случайных посетителей позволяли мне эту маленькую, глупую слабость.

Ведь, как и почти весь Буэна-Виста, я уже читала эту книгу, когда она только вышла. Мы все тогда обсуждали «местного парня, покоровившего Нью-Йорк».

«— Никому не было дела до рассказов Лэна, пока он строчил их за партой в школе, а тут вдруг все про него вспомнили, — бросил тогда Оуэн, когда мы обсуждали это внезапное помешательство. И, как обычно, был чертовски прав»

Честно говоря, образ Лэндона в моей школьной памяти довольно размыт. Когда я только перешла в старшую школу, он уже был на предпоследнем курсе. Я, конечно, скучала по брату, уехавшему в колледж, но особо не грустила: его слава все равно докатилась до меня через общих друзей. Я быстро влилась в тусовку парней из спортивной команды. Через Оуэна еще в средней школе познакомилась с парочкой новичков. На втором курсе старшей школы они уже пробились в основной состав. И совершенно не обращала внимания на Лэндона, который был редактором школьной газеты. Время от времени до меня долетали обрывки школьных сплетен: Лэндон выиграл какой-то конкурс, его эссе снова признали лучшим и все в таком духе. Но он не был звездой футбола. Он не устраивал дикие вечеринки в чьем-то амбаре. А в жестокой иерархии старшей школы Буэна-Висты литературные победы, увы, не давали ровным счетом ничего. Кроме того, я уверена: о них знали лишь потому, что он был Хейсом.

— Так это правда?

Этот восторженный вопль выдергивает меня из размышлений. Тесса, как всегда, сияя, ныряет за прилавком и впивается взглядом в книгу у меня в руках.

— Лэндон Хейс приехал домой?

Я молча киваю. Тесса тут же достает из кармана телефон, и ее пальцы начинают бешено стучать по экрану. Да уж, новости действительно разлетятся по местным чатам быстрее, чем я успею моргнуть.

Разглядываю Тессу: джинсовые шорты, модный кроп-топ, многослойное кольцо из цепочек на шее. Из раскрытой сумки на стойке торчит тетрадь в клетку и книга.

От этого вида еще больше проваливаюсь в школьные воспоминания. Тесса чертовски похожа на меня в старших классах. Та же сестра спортсмена, живущая в своем уютном пузырьке, пытающаяся подработать и найти себя.

Наверное, именно поэтому я и взяла ее на работу. Ну и, конечно, из чисто прагматичных соображений: такая девчонка — ходячий магнит для бизнеса. К ней постоянно заглядывают ее поклонники, брат с друзьями, вся школьная свита. В старших классах свои всегда поддерживают своих, а значит, касса пополняется.

— Ты его видела? — выпаливает она, наконец отрывая взгляд от экрана. Глаза горят нездоровым, чисто подростковым любопытством. — Он, как на фото? Горячий и загадочный?

Я закатываю глаза, но не могу сдержать легкой улыбки. Боже, я действительно была такой же.

— Он похож на человека, которому нужен кофе, Тес, — сухо отвечаю я. — И, возможно, немного тишины. Так что, если он зайдет, никаких визгов, селфи и вопросов про Нью-Йорк. Договорились?

Тесса кивает, хотя по ее лицу видно, что она уже мысленно составляет список из десяти каверзных вопросов.

Я опускаю взгляд обратно на книгу. Страницы пожелтели, корешок слегка помят. Я случайно открыла ее где-то в середине. Взгляд цепляется за пару строк, выхваченных из абзаца: *«Порой уезжают не потому, что ненавидят свой дом. Уезжают, потому что боятся, что если останутся, то так и не узнают, на что они способны за его пределами. Подохнут в этой коробке семейных устоев».*

Может, перечитать? Вдруг наведет на мысли, чтобы понять, что там за надлом у Хейсов?

Но зачем мне это?

— ...круто. Нью-Йорк, да? — восторженно выдыхает Тесса.

Я моргаю, с трудом выныривая из текста и мыслей. Понимаю, что это ко мне. Тесса уже успела повязать фартук, демонстративно отложила телефон в сторону и теперь впиалась взглядом во входную дверь. Она смотрит на нее с таким нетерпением, словно ожидает, что Лэндон вот-вот распахнет ее, эффектно отряхнет нью-йоркскую пыль с плеч и закажет двойной эспрессо.

Точнее, латте на миндальном молоке...

Господи, я когда-нибудь забуду про это чертово молоко?

Подъезжаю за Ханной раньше, чем нужно, но ничего. Пару секунд смотрю на книгу Лэндона, которую прихватила из кофейни, но решаю почитать позже, закидываю роман на заднее сиденье и выхожу из машины.

Мне всегда нравилось ранчо Хейсов. Это безумно красивая территория с пастбищами, рекой и видом на горы. Кажется, что я видела все это сотни раз, но каждый раз привозя или забирая Ханну, не перестаю удивляться.

Вот и сейчас. Пока иду к манежу, где проводят детские занятия, осматриваюсь, будто впервые тут.

Как и ожидалось, Мэйв еще не закончила. Она стоит в центре площадки и что-то втолковывает пятерым ребятишкам, важно восседающим на пони. И мне становится смешно. Со стороны это выглядит так, будто суровый армейский командир проводит предбоевой инструктаж для крошечного отряда солдат, которые вот-вот пойдут штурмовать ближайший магазин игрушек.

Отвожу взгляд от этого умиротворительного зрелища и направляюсь к тенистой зоне ожидания у главных конюшен. И тут мое внимание цепляет знакомая фигура у открытых ворот ближнего стойла.

Лэндон заходит в конюшню, куда должны вернуться пони.

Вместо того чтобы плюхнуться на скамейку и ждать, сворачиваю с тропинки и тихонько подхожу ближе, стараясь не хрустеть гравием. Останавливаюсь в паре шагов и просто наблюдаю.

Минуту. Две.

И понимаю, что знаменитый нью-йоркский писатель, автор бестселлеров, прямо сейчас с ожесточением выгребает навоз из стойла в старую тачку. На его темном худи уже осела соломенная пыль, а движения кажутся довольно ритмичными. Уверенный взмах вилами, глухой звук попадающей в тачку тяжести. Он даже не замечает меня, целиком сосредоточившись на этой грязной, неблагодарной, но такой необходимой работе.

Надо же, не боится запачкаться.

Интересно, как бы Тесса на это отреагировала с ее представлениями о модном писателе?

Скрещиваю руки на груди, прислоняюсь плечом к деревянному косяку и решаю не окликать его сразу. Пусть поработает. Мне даже интересно, сколько времени пройдет, прежде чем он заметит, что за ним наблюдают.

— Тебе нравится этот аромат или просто залипла на то, как я работаю? — раздается вскоре его голос. В нем слышится легкая, самодовольная ухмылка. Все-таки в парне есть что-то от засранца.

Лэндон разворачивается, лениво опирается подбородком на рукоять вил и окидывает меня оценивающим взглядом. Я физически чувствую, как этот взор скользит снизу вверх, на секунду задерживаясь на ногах, которые безжалостно открывает моя джинсовая мини-юбка.

Слава богу, я сегодня выбрала достаточно закрытую футболку, которая не дает рассмотреть все, а козырек бейсболки надежно прячет глаза и половину лица. Иначе Лэндон бы точно заметил, что я оценила этот интерес.

— Запах, конечно, — парирую я, стараясь, чтобы голос звучал как можно более буднично и скучающе. — Знаешь, вдыхать кофе по двенадцать часов в сутки тоже порядком утомляет.

Лэндон усмехается, затем улыбается.

— Знаешь, Кэссиди, только сегодня утром, когда Оуэн привез Ханну, я понял, кто ты, — серьезнее продолжает Лэндон.

— А я-то думала, авторы бестселлеров славятся своим вниманием к деталям, — тяну я, не скрывая легкой насмешки в голосе. — Но, полагаю, когда тебя с утра вдруг окружают лошади и навоз, реальность немного размывается.

Лэндон хмыкает, снова улыбается. От этой улыбки морщинки у его глаз становятся глубже. Он делает шаг вперед, выходя из полумрака стойла на солнце, и я невольно отмечаю, как хорошо на нем сидит эта простая, слегка запыленная, абсолютно не подходящая для такой работы одежда.

— Я уже успел с утра почистить канаву, перетянул проволоку и подготовил кучу пони для детских занятий, — важно сообщает Лэндон.

— Очень собой гордишься? — с игривым вызовом спрашиваю я.

И понимаю, что Лэндон все-таки стал городским парнем. Ни у кого в радиусе сотни миль не возникнет желания хвастаться рутинной работой.

— Знаешь, настоящие ковбои не хвастаются уборкой навоза, Лэндон, — замечаю я, позволяя себе легкую, провоцирующую улыбку. — Они просто делают это. Хвастаться такой рутинной — это чисто городской грешок.

Он не обижается. Наоборот, его улыбка становится шире, а в карих глазах вспыхивает озорной огонек. Он откладывает виллы в угол и делает шаг ко мне, стирая невидимую границу между моим чистым миром наблюдателя и его пыльным вонючим миром работника.

Теперь я чувствую не только запах сена, навоза, но и его самого. Смесь свежего пота, простого мыла и чего-то неуловимо мужского. Расстояние между нами сократилось до опасного минимума, и я вдруг осознаю, что Лэндон действительно вырос. Из того худощавого паренька с книгой в руках он превратился в мужчину, который заполняет собой все пространство вокруг.

— Может, и грешок, — соглашается он. — Но ты бы на моем месте тоже не молчала и гордилась бы.

И который, кажется, чертовски уверен в себе.

— Не делай вид, что так хорошо знаешь меня, — игриво отрезаю я, желая немного сбить эту спесь.

— Так позволь узнать, — серьезно произносит Лэндон. — В Нью-Йорке я бы пригласил тебя сейчас на кофе, но... кажется, у тебя тут единственная подходящая для свидания кофейня в городе. Что скажешь?

— Что у тебя поразительная уверенность для парня, воняющего потом и навозом.

Лэндон поднимает руку, принохливается к своей подмышке и делает вид, что вонь сражает его.

— Справедливое замечание, — соглашается он, и в его голосе появляются веселые, теплые нотки. — Дай мне полчаса. Я приму душ, переоденусь во что-то, что не пахнет конюшной, и вернусь.

Я чувствую, как внутри все сжимается от неожиданности. Он не отступает. Не шутит. Лэндон действительно назначает мне свидание, стоя по колено в соломе, с навозом на ботинках и наглой, чертовски привлекательной уверенностью в глазах.

— Полчаса? — фыркаю я, пытаюсь удержать контроль над ситуацией. — Ты оптимист, Хейс. Полчаса тебе не помогут.

Он уже открывает рот, чтобы ответить, но его планы рушатся, когда со стороны манежа доносится цокот маленьких копыт и детский гомон.

Группа из пяти юных наездников, важно ведя за поводья своих пони, заходят в конюшню. Следом за ними, не спеша, появляется Мэйв. Она вытирает руки о полотенце, и ее взгляд, полный материнской усталости и удовлетворения, на секунду задерживается на нас.

И только потом из этой процессии вырывается Ханна. Она все еще в защитном шлеме, с сияющим лицом, и, заметив меня, срывается с места.

— Тетя Кэсси!

Ее звонкий, нетерпеливый вопль разрезает воздух. Магия момента лопается, как мыльный пузырь. Я моргаю, резко выныривая из этого густого, электрического напряжения, которое еще секунду назад висело между нами.

Поворачиваюсь к Лэндону в последний раз. Он уже снова взял вилы, делая вид, что полностью погружен в работу. Но уголок его рта все еще приподнят в той самой самодовольной, притягательной ухмылке.

Я тут же переключаюсь с режима «флирт» на режим «ответственная тетя» и подхватываю Ханну на руки. Ее пластиковый шлем чуть не оставляет мне синяк из-за неловкого движения, но я все равно целую Ханну в горячую, вспотевшую щеку.

— Ты видела? — выпаливает она, едва успев перевести дух. — Я сегодня сама держала поводья! И Барни меня слушался, правда, Мэйв? Он даже не пытался меня укусить!

Мэйв подходит ближе, ловко снимая с Ханны шлем и поправляя ей растрепавшиеся волосы.

— Она была настоящей чемпионкой, Кэсси, — говорит Мэйв, и в ее усталых, но теплых глазах читается искренняя гордость. — Абсолютно не боялась и отлично держала спину.

— Я и не сомневалась, — улыбаюсь я, встречаясь с Мэйв взглядом. На долю секунды ее глаза скользят в сторону Лэндона. Но она ничего не говорит, лишь кивает мне на прощание и уходит разбирать уздечки.

— Пойдем, чемпионка, — опускаю Ханну, беру ее за руку, и мы направляемся к моей машине.

Она не умолкает ни на секунду, тараторя о том, как пони фыркнул, какой у него мягкий нос и как она обещала принести ему морковку в следующий раз. Я киваю, улыбаюсь, но краем глаза слежу за пространством позади нас.

Мы подходим к моему «Бронко». Я уже тянусь к ручке двери, чтобы усадить Ханну, как вдруг слышу за спиной характерный, быстрый хруст гравия.

Оборачиваюсь. Лэндон.

Он уже стряхнул с себя основную солому и отставил вилы в сторону. Его худи все еще выглядит так, будто побывало в бою, но теперь он стоит прямо, и в его глазах больше нет той игривой, дразнящей легкости. Теперь там взрослая серьезность. Он сокращает расстояние между нами за пару широких шагов.

— Ханна, милая, залезай в машину и пристегнись, — говорю. — Я сейчас.

Племяншка послушно карабкается в детское кресло, продолжая бормотать что-то про сено, и захлопывает дверь.

Лэндон останавливается в паре шагов от меня. Он вытирает ладони о штаны.

— Я серьезно насчет свидания, Кэссиди, — говорит он. — Без шуток про навоз и конюшни. Просто кофе. Что скажешь?

Я открываю рот, чтобы ответить, но тут из открытого окна машины раздается громкий, торжествующий вопль Ханны:

— Тетя Кэсси! Смотри!

Мы оба вздрагиваем и одновременно поворачиваем головы. Ханна высунулась из окна, размахивая в воздухе книгой, которую я так неосторожно забросила на заднее сиденье.

— Это же он! — кричит она, тыча маленьким пальчиком прямо в обложку, где красуется лицо Лэндона. — Брат дяди Такера на картинке!

Возникает мертвая тишина. Я чувствую, как по спине пробегает холодок, и медленно, очень медленно поворачиваюсь обратно к Лэндону.

Как же я хочу сейчас провалиться сквозь землю.

Пожалуйста!

Серьезное, решительное выражение лица Лэндона трескается. Сначала дергается уголок рта. Потом он прикрывает глаза рукой, и из его груди вырывается тихий, сдавленный смешок, который быстро перерастает в полноценный, раскатистый хохот.

Гадство!

А Ханна, совершенно не чувствуя неловкости момента, добавляет масла в огонь:

— На фото ты в пиджаке и причесанный, а сейчас похож на бродягу! Но ты все равно молодец, дядя Лэндон, что убираешь какашки!

Я медленно закрываю глаза. Земля, расступись. Пожалуйста. Прямо сейчас.

— А помочь мне не хочешь? — спрашивает Лэндон, и в его голосе звучит мягкая, заговорщическая нотка, будто он пытается заключить с пятилеткой пакт.

— Нет, — отрезает Ханна с той самой безжалостной детской прямоотой, от которой у взрослых дергается глаз. — Дядя Такер сказал, что это *твоя* работа.

Лэндон удивленно вскидывает брови. А я, пользуясь этой благодатной заминкой, делаю шаг к машине.

— Ладно, уверена, у тебя есть какие-то еще лошадиные или писательские дела, — произношу я. — Поэтому оставляю тебя. Как видишь, сегодня я прикована к этой маленькой бес-тии на весь день.

— На самом деле дела действительно есть, — соглашается Лэндон. Он делает полшага вперед, и его взгляд снова становится серьезным, цепляя мой. — И, возможно, мне правда нужно разобраться кое с чем в ближайшее время. Но... я правда хочу выпить с тобой кофе. Это возможно?

Вот же настойчивый, чертовски обаятельный засранец. И самое ужасное, что язык совершенно не поворачивается просто взять и отказать. Но сквозь эту внезапную теплоту пробивается странное, холодное чувство. Что-то в его настойчивости кажется мне не совсем искренним. Словно это приглашение — не столько желание увидеть меня, сколько способ от чего-то сбежать.

— Посмотрим, — произношу я, позволяя себе легкую, уклончивую улыбку, которая не обещает ничего, но и не закрывает дверь окончательно.

Открываю водительскую дверь и наконец-то плюхаюсь на сиденье, чувствуя, как напряжение медленно отпускает мои плечи.

Ханна тут же машет Лэндону рукой в приоткрытое окно, а затем мгновенно теряет интерес и к нему, и к злополучной книге, переключаясь на поиск своей плюшевой лошади в сумке.

Спасибо, солнце, очень вовремя.

Глава 6. Почти презентабельный вид, пауза, от которой дергается глаз, и приятный азарт

29 мая 2024 год

Буэна-Виста, ранчо «Уайт Пайн», Колорадо

Лэндон

«Почему я решил, что поездка в Колорадо починит мою жизнь?»

Вопрос, который я задаю себе в шестом часу утра, пялясь в экран ноутбука. Хотя сегодня все не так плохо, как обычно. У меня есть написанная страница. И, что самое удивительное, я не хочу ее стирать, переписывать или сжигать вместе с ноутбуком. Для меня это уже тянет на достижение века.

Отрываюсь от клавиатуры и смотрю в окно. Время на ранчо течет иначе. Оно не несется вперед, как в Нью-Йорке, а движется своим чередом, размеренно и неумолимо. Мой новый распорядок удивительно прост: тяжелая физическая работа под руководством Кевина, жалкие попытки выцарапать из себя хоть слово, да спокойные, почти нормальные разговоры с родителями за ужином.

Я даже справился с тем, что откладывал неделями: написал агенту и редактору. Коротко, по делу: я жив, трезв, навещаю родителей и помню про дедлайны.

Вот только написать Кловер, пока решимости не хватило...

А ведь надо. Она читала все мои последние книги как бета-редактор. Знает меня. Скажет что-то нужное...

Видимо, это и пугает больше всего.

Кловер скажет именно *нужное*. И, скорее всего, нечто неприятное.

Надо для этого собраться...

И вчера Кевин в порыве невиданного великодушия объявил мне выходной. Сказал, что моим «городским костям» нужна передышка, иначе скоро я не разогнусь. Я получил прекрасный день, чтобы собраться с мыслями, наконец, обсудить свои писательские косяки с дышащей сарказмом подружкой и... съездить в кофейню Кэссиди?

Но разве я еще в первый день не решил держаться подальше от интрижек? Тем более с местными боевыми женщинами?

Хмыкаю, обмозговывая эту мысль... а потом вспоминаю Кэссиди. Эта дерзость, эти ноги, от которых невозможно отвести взгляд, и это чертовски симпатичное личико, так забавно скрывавшееся под козырьком кепки.

Почему бы и нет? Не уходить же в монахи из-за творческого кризиса.

Я, наверное, так и мусолил бы эту мысль, если бы не заметил, как внедорожник Такера медленно подкатывает к задним воротам. Дверь открывается, и он выходит. Джинсы, приличная рубашка навыпуск. Хотя, судя по складкам на ткани, ранее она была аккуратно заправлена.

И откуда, черт возьми, он возвращается в шестом часу утра в таком «почти презентабельном» виде?

С кем-то встречается?

Захлопываю крышку ноутбука. Эта единственная хорошая страница никуда не денется. А вот упускать такое зрелище было бы преступлением.

Бегу вниз, натягиваю первую попавшуюся куртку прямо на голое тело. Засовываю штанины в чьи-то сапоги и выхожу на заднее крыльцо как раз в тот момент, когда Такер идет в сторону своего домика.

— Доброе утро, Золушка, — кричу я. В утренней тишине звук разносится отлично. Такер вздрагивает так, будто его ударило током.

— Черт, Лэндон, — выдыхает он, оглядываясь. — Ты чего не спишь?

— Творческий прорыв. Или тупик. Зависит от того, как посмотреть, — я спускаюсь с пары ступенек и прислоняюсь к перилам, скрещая руки на груди. — А ты, судя по всему, занимался чем-то, что точно не связано с погоним скота, — со смехом продолжаю я.

Уже жду привычной ответной колкости, готовый к легкой, почти детской братской перепалке, но ответ быстро остужает мой пыл:

— Не лезь не в свое дело, Лэн. И не спрашивай так, будто подобные разговоры между нами в порядке вещей.

Где-то в глубине души я понимал, что эта попытка провалится. Но не мог не попытаться. Кроме того, Такер выглядит слишком загруженным для мужчины, который провел ночь с девушкой. Но это замечание я уже держу при себе, желая узнать нечто более важное:

— Теперь между нами всегда так будет? — серьезнее спрашиваю. — Я вернулся, Такер. Я здесь. Мы можем хотя бы попытаться... Пог...

— Ты вернулся, потому что у тебя что-то случилось в Нью-Йорке, — перебивает он, и в его глазах вспыхивает старая, знакомая искра обиды. — Ты не вернулся к семье. И не надо делать вид, что пара совместных ужинов с родителями и работа на ранчо стирают два года молчания. Чертовой тишины.

Такер буквально выплевывает мне это в лицо. И во мне тоже что-то взрывается. Спускаюсь с крыльца.

— Я не прав. Но знаешь что, Так, телефон работает в обе стороны, — напоминаю я.

— Да. Но не я наговорил того, за что бьют морду.

Он отводит взгляд, смотрит в сторону своего домика и продолжает, не дав мне ответить:

— Я иду спать, а ты и дальше разбирайся со своими порывами и тупиками.

Его шаги становятся быстрее. Я уже не останавливаю его, не пытаюсь ничего сказать. Просто остаюсь стоять на крыльце, глядя на закрытую дверь. Холодный утренний воздух пробирает до костей, но холод внутри ощущается острее. Кутаюсь в куртку.

Такер прав. По-своему, через призму своей боли, но прав. Я не могу просто так перепрыгнуть через пропасть, которую сам же и вырыл. Но ведь раньше все было иначе. Мы никогда не извинялись. Не говорили о чувствах и уж тем более не «проговаривали обиды». Всему этому я научился уже потом, в Нью-Йорке, среди людей, которые любят копаться в себе, искать корни проблем и со школьного возраста посещают психотерапевтов. А в детстве на ранчо правила были простыми и суровыми: накосячил — молча иди и сделай что-то полезное. Или приятное. Почини забор, накорми лошадей, принеси извинения делом, а не словами. Можешь отыгаться дурацкими шутками и остротами. Думал, что Такер и делал это, давая мне черную работу и рассказывая детям, что моя обязанность — убирать за пони.

Но сейчас, видимо, старые правила больше не работают.

Или, как и я, Такер за это время тоже чему-то научился. Что-то понял. Но узнать я это не могу.

Как я ни пытался выкинуть этот эпизод из головы, не получалось. И вся надежда спасти себя от очередной пожирающей мысли была на удачную поездку в город и свидание.

И все складывалось неплохо.

Отец разрешил пользоваться пикапом с ранчо.

И я даже вспомнил, как управлять механической коробкой передач.

Поэтому в «Хай Граунд» я приехал в приподнятом настроении, но такое, видимо, было только у меня.

—... дерзить. Я говорю, что он недостаточно горячий! — недовольно заявляет девушка.

Синее платье по фигурке, светлые волосы в пучке, каблучки. Местная важная птица, не иначе.

Кэссиди ей что-то говорит, вежливо улыбается. Около кофемашины, опустив голову, стоит девчонка лет шестнадцати.

— Это абсолютно неприемлемо, Кэссиди, — продолжает девушка, повышая тон и тыча пальцем в сторону бариста. — Клиент всегда прав. Слышишь, Тесса? Ты должна понимать это с первого дня работы!

Медленно подхожу ближе, намеренно задерживаясь в паре шагов, чтобы получше рассмотреть эту скандалистку и решить, стоит ли мне вступать в игру.

— Она все поняла, Эллисон, — с нажимом отрезает Кэссиди, но тут же поднимает глаза и замечает меня.

— Привет, — бросаю я, подходя вплотную к стойке.

И тут происходит то, чего я совсем не ожидал. Эллисон разворачивается ко мне и расплывается в такой широкой улыбке, будто мы закадычные друзья, не видевишиеся сто лет.

— Лэндон! Надо же! Привет! — щебечет она, сверкая безупречной белизной зубов.

Блондинка лет тридцати. Голубые глаза. Этот специфический, тягучий тембр голоса. Вдруг она кажется мне до боли знакомой.

— Привееет, — протягиваю я с легкой долей неуверенности, продолжая сканировать ее взглядом.

— Не узнаешь? Это же я — Эллисон. Такер не говорил тебе?

Она смотрит на меня так, будто я *обязан* ее знать. И, что гораздо важнее, знать про нее и Такера. Бросаю быстрый взгляд на Кэссиди, но она лишь с нескрываемым интересом наблюдает за нами, явно радуясь, что Эллисон переключила свое ядовитое внимание с нее на меня.

И тут пазл в моей голове внезапно складывается. Эллисон Джейнор. Училась вместе со мной. Как раз в то время, стала капитаном школьной команды чирлидерш. Редкостная стерва. И, судя по всему, такой и осталась.

— Не говорил, — ровно и уверенно произношу я. — Ни слова.

И после только что увиденной сцены даже не пытаюсь сглаживать углы и щадить ее чувства.

Эллисон продолжает улыбаться, но я замечаю, как напрягаются мышцы ее лица. Где-то сбоку улавливаю приглушенный смешок Кэссиди, но она тут же отворачивается, подходя к бледной Тессе.

— Значит, не успел, — произносит Эллисон с притворным сочувствием. — У вас ведь столько... проблем. Между вами.

Что еще, блять, за игра? В эту тему тебе явно лезть не стоит.

— Да, — спокойно отвечаю я, не моргнув глазом. — Разговариваем только о важном. А о тебе как-то речи не было.

Видимо, сегодня удача на моей стороне. И написанная утром страница, и эта маленькая словесная перепалка даются мне на удивление легко. Эллисон прожигает меня ледяным взглядом, но тут раздается голос Кэссиди, идеально ставящий точку в этом диалоге:

— Ваш кофе, Эллисон, — говорит она, ставя стаканчик на стойку с преувеличенной вежливостью. — Хорошего дня.

Эллисон берет стаканчик. Со злостью смотрит на нас и выходит. Немногочисленные посетители быстро теряют интерес к происходящему, а у меня в голове начинает бешено крутиться рой вопросов.

— Что это сейчас было? — спрашиваю я, глядя прямо на Кэссиди.

— У Эллисон просто было плохое настроение, — сухо усмехается она, методично протирая стойку тряпкой.

В памяти тут же всплывает хмурый, напряженный Такер сегодняшним утром. Неужели? Нет, только не это.

— Только не говори мне, что эта стерва имеет какое-то отношение к Такеру, — прошу я.

— Да как тебе сказать... — многозначительно протягивает Кэссиди, делая паузу, от которой у меня начинает дергаться глаз.

Что, блять, она несет?

— Его вкус не мог так катастрофически испортиться, — почти с мольбой произношу я.

Да, в старшей школе он встречался с такими же дрянными девчонками из команды чирлидерш. Это было почти негласным правилом для местных спортсменов. Но потом он вырос! У него были нормальные, адекватные девушки, с которыми все было серьезно.

— Последние полгода его вкус именно такой, — пожимает плечами Кэссиди. И по ее тону ясно: она тоже не в восторге от этого выбора моего брата.

— Это надо переварить, — выдыхаю я, проводя рукой по лицу.

Информация ощущается как несварение. Словно я съел какую-то дрянь, которую организм пытается выплюнуть наружу.

— Чем могу помочь? — усмехается Кэссиди, опираясь локтями о стойку. — Предупреждаю сразу: сегодня у нас в меню только «недостаточно горячий кофе». И миндального молока по-прежнему нет.

— Ммм, — протягиваю я. — Моя будущая жалоба на Йелп становится все более разгромной.

Кэссиди тепло смеется и ободряюще сжимает плечо Тессы. Но девчонка смотрит не на нее. Она смотрит на меня.

И я слишком хорошо знаю этот взгляд. Широко распахнутые глаза, легкая растерянность и неподдельный, почти детский восторг.

— Привет, — здороваюсь я, приветливо махнув рукой.

— Привет, — отвечает Тесса и косится на Кэссиди, словно спрашивая разрешение. На что та вздыхает, но кивает.

Я только сейчас замечаю, что фартук только на Тессе. Кэссиди просто в футболке. Видимо, не на смене.

— Очень рада с вами познакомиться, мистер Хейс, — с улыбкой отвечает Тесса. — Я читала ваши книги. Подпишете мою? Я взяла с собой, на случай если вы зайдете.

— Конечно, — с улыбкой отвечаю я.

И как только девчонка скрывается за дверью для персонала, Кэссиди теплее улыбается.

— Твой приход явно улучшил ее день после такого, — констатирует она.

— А твой? — спрашиваю я, чувствуя, как внутри просыпается уже знакомый, приятный азарт.

— Тоже немного, — лукаво признается она. — Было чертовски приятно посмотреть, как кто-то наконец-то поставил Эллисон на место. После того как она получила должность в городском управлении и стала отвечать за организацию праздников, ее заносит так, что... — Кэссиди многозначительно морщится, не находя подходящих слов.

Усмехаюсь. Но на долю секунды мои мысли снова срываются к Такеру. Что, черт возьми, с ним случилось за это время?

Но я тут же беру себя в руки. Сейчас не время думать об этом. Решаю не копать в эту сторону и задаю другой вопрос:

— Вижу, ты сегодня не на смене. Может, возьмем по кофе с собой и прогуляемся?

Кэссиди слегка хмурится, словно взвешивая все «за» и «против». И тут, как назло, возвращается Тесса с книгой и ручкой.

Быстро вывожу автограф на титульном листе, перебрасываясь с ней парой фраз. Девчонка, к моему удивлению, выдает пару на удивление точных и интересных мыслей о сюжете, но как следует сосредоточиться не получается. Все мое внимание приковано к Кэссиди, я жду ее вердикта.

Тут, к счастью, приходит новый посетитель. Обещаю Тессе продолжить разговор, когда зайду в следующий раз, и она отходит обслужить клиента.

Кэссиди выходит из-за стойки.

На ней снова та короткая юбка. Определенно удачный день.

— Давай прогуляемся, — соглашается она.

И я счастлив, что сегодня все-таки переключусь на общение и забудусь в нем, а не буду и дальше терзаться от собственных мыслей.

Глава 7. Местная мыльная опера, нью-йоркская привычка и оба варианта

29 мая 2024 год

Буэна-Виста, Колорадо

Кэссиди

Пока я ехала с Ханной с ранчо, то твердо решила: мне не нужно свидание с Лэндоном Хейсом.

Он явно ищет легкую интрижку, чтобы развеяться. Вряд ли останется в Буэна-Висте надолго, да и багаж внутренних проблем у него, кажется, приличный. У меня есть реальные дела: нужно развивать бизнес, придумывать новые мероприятия, чтобы привлечь людей, а не играть в романтические игры с писателем-беглецом. Кроме того, Расти собирался заглянуть, чтобы что-то обсудить. Но...

Но вот я уже минут пять иду с Лэндоном Хейсом по центральной улице Буэна-Висты.

Почему я передумала? Черт меня знает.

Наверное, дело в том, как он говорил с Тессой. Не свысока, не как недостижимая звезда, а как нормальный человек, который действительно слушает. Он не отмахнулся от восторженной девчонки, не стал играть в «важную птицу». И в этот момент моя железная решимость просто дала трещину.

Может, ситуация с Эллисон так повлияла на меня? И теперь я вижу что-то особенное в простом, нормальном человеческом поведении?

Главная улица Буэна-Висты в это время дня выглядит почти с картинки. Утреннее солнце уже прогрело старые кирпичные фасады магазинов, а горный воздух, пахнувший хвоей и нагретым асфальтом, бодрит. Мы идем мимо «Пекарни Мэйбл», где старушка-продавщица, заметив нас, делает вид, что очень увлечена протираанием и без того чистой витрины.

Физически чувствую на себе ее (и не только ее) оценивающие взгляды. Сплетни в этом городе распространяются быстро. К обеду весь Буэна-Виста будет знать, что Лэндон Хейс гуляет с Кэссиди Мейсер, а к ужину нам уже придумают двух общих детей и совместный бизнес-план по разведению альпак.

— Ты знаешь, что мы сейчас главные герои местной мыльной оперы, да? — спрашиваю, не глядя на Лэндона, но краем глаза отмечая, как хорошо его широкие плечи смотрятся в простой белой футболке. Никакого навоза, никаких пыльных худи. Просто чистый, свежий Лэндон.

В этой чертовой футболке и джинсах он смотрится просто, но... Но это, черт возьми, отвлекает.

Потому что в нем сейчас читается какая-то несправедливо интересная смесь. С одной стороны — легкая, небрежная щетина на челюсти и темные, чуть отросшие кудрявые волосы, свободно падающие на лоб. Это придает ему тот самый расслабленный вид местного парня, который не боится запачкать руки.

Но с другой стороны, в его осанке, в том, как он лениво, но уверенно держит стаканчик с кофе, нет ничего от простого погонщика скота. В нем читается нью-йоркская уверенность, интеллект и привычка наблюдать и анализировать. Идеальный, чертовски притягательный баланс.

— Здесь хотя бы нет папарацци, — со смешком замечает Лэндон. — Я, конечно, не Ирина Шейк, и мной они особо не интересуются, но в последнее время приходилось прятаться от них чаще, чем за всю прожитую жизнь.

— Поэтому и идешь так быстро? — усмехаюсь, делая глоток кофе. — Мы гуляем, парень. Замедлись.

— Прости, — он послушно сбавляет темп, поравнявшись со мной так, что наши плечи почти соприкасаются. — Нью-йоркская привычка. Там, если ты замедлишься, тебя просто смеют.

Лэндон делает паузу, оглядывая тихую улицу с ее старыми фонарями и витринами, которые не менялись десятилетиями.

— Знаешь, когда я только переехал в Нью-Йорк после учебы в Огайо, мне казалось, что там все движется с бешеной, неправильной скоростью, — задумчиво произносит он. — А сейчас здесь... иногда кажется, что время вообще застыло. Слишком медленно.

— Это называется размеренность, Хейс. Не путай с застоем, — поправляю я.

Он поворачивает ко мне голову, и в его взгляде появляется искреннее, неподдельное любопытство.

— А ты? Ты ведь не всю жизнь просидела в Буэна-Висте? Или ты из тех людей, кто никогда не покидал родного гнезда?

Фыркаю, чувствуя прилив гордости.

— Я четыре года училась в Денвере. Бизнес-школа Университета Колорадо.

— Бизнес-школа? — в его голосе проскальзывает искреннее уважение. — Звучит внушительно. И что же заставило девушку с дипломом бизнес-школы вернуться в город, где главная интрига дня — это чей-то недостаточно горячий латте?

И чувствую нотку пренебрежения в его голосе.

— Здесь моя семья, — спокойно отвечаю я. — Когда Лайла забеременела, я поняла, что не хочу пропускать важные семейные моменты. К тому же, мне всегда не хватало в Буэна-Висте хорошего, уютного места, где можно просто посидеть с книгой или ноутбуком. Так что я решила создать его сама.

Лэндон внимательно слушает, делая глоток кофе. Я немного переживала, что он и дальше будет расспрашивать про Такера и Эллисон. К счастью, этого не происходит. То ли из уважения к брату, Лэндон решает больше не задавать вопросы про его личную жизнь, то ли ему действительно интересно узнать меня. Мне хочется, чтобы оба варианта оказались верными.

Мы молча сворачиваем к центральному скверу.

Здесь, в тени старых раскидистых вязов, воздух кажется чуть прохладнее и свежее. В центре тихо журчит небольшой каменный фонтан, а на скамейках, греясь на солнце, сидят пенсионеры и мамы с колясками. На фоне величественных, покрытых хвоей гор этот маленький кусочек городской цивилизации выглядит почти игрушечным.

Я останавливаюсь, поворачиваюсь к Лэндону и заглядываю в глаза.

— А ты? — спрашиваю, стараясь, чтобы голос звучал без лишнего нажима. — Ты из тех парней, которые ненавидят место, где выросли, и мечтают сбежать от него подальше, сжигая за собой мосты?

Лэндон хмыкает. Он отводит взгляд, разглядывая верхушки деревьев, и на пару секунд погружается в раздумья.

— Ненавижу? Нет, это слишком сильное слово, — наконец произносит он. — Я не ненавижу Буэна-Висту. У этого места есть свои плюсы. Но... этот город всегда казался мне тесным.

Лэндон делает паузу, неопределенно обводя рукой горизонт.

— Главные темы для разговоров здесь не меняются десятилетиями: кто выиграл школьные соревнования, как идут дела на соседних ранчо, кто с кем переспал на городской ярмарке. Все это крутится по замкнутому кругу. Здесь просто... физически тесно дышать, Кэс. Как в коробке, стены которой ты видишь каждый день.

Как в коробке. Те самые слова из его книги, которые я читала сегодня утром.

«Сдохнут в этой тесной коробке семейных устоев»

— Если здесь так тесно, то почему ты вернулся? — спрашиваю, не сводя с него глаз. Мне действительно интересно услышать ответ, а не просто дежурную отговорку.

Лэндон делает медленный глоток кофе, словно давая себе время подобрать правильные слова. И только сейчас я замечаю свой стаканчик в руке. Он все еще почти полный. Я была слишком увлечена разговором, чтобы пить.

— Сам до конца не понимаю, — отвечает он, и в его голосе звучит искренняя, почти детская растерянность, так не вяжущаяся с его взрослой внешностью. — Наверное, дело в том, что сама идея моей первой книги зародилась именно здесь. В Нью-Йорке все шло по инерции, на автопилоте. А я... я хочу понять, что именно здесь на меня повлияло.

Лэндон хмурится, словно сам не верит тому, что только что произнес, пытаюсь уловить ускользающую, нечеткую мысль.

Хмыкаю, делаю глоток кофе. Как и ожидалось, он уже не такой горячий, как мне хотелось бы.

Смотрю на нахмуренный лоб Лэндона. В этот момент он выглядит не как парень, который подписывал собственную книгу меньше часа назад, а как юнец, который потерялся в новом месте. И, странное дело, эта внезапная уязвимость не портит его.

— Знаешь, Хейс, — мягче начинаю, нарушая повисшую тишину. — Вдохновение редко приходит, когда ты пытаешься вытащить его из-под кровати с вилами. Иногда нужно просто позволить себе потеряться. Не искать его насильно.

Лэндон поднимает на меня взгляд. На секунду в его карих глазах мелькает искреннее удивление, а затем уголки губ медленно ползут вверх.

— Это была тонкая метафора про вилы и навоз? — уточняет он с легкой доброй насмешкой.

— Возможно, — пожимаю плечами.

Мы делаем еще несколько шагов и останавливаемся у каменного бортика фонтана. Вода тихо плещется, создавая уютный, шуршащий фон. Лэндон выкидывает стаканчик в мусорку и поворачивается ко мне всем корпусом.

— На самом деле, я знаю, что мне еще нужно сделать, — произносит он и кивает в сторону деревянной скамейки, безмолвно предлагая мне присесть.

Направляюсь к ней, но не сажусь сразу, а оборачиваюсь к нему, скрестив руки на груди.

— И что же тебе мешает это сделать? — спрашиваю, выдерживая его взгляд.

— Если я это сделаю, мне придется признаться, что я вел себя как упрямый осел, — невозмутимо, но с легкой, почти незаметной самоиронией отзывается он.

— Ты и остаешься упрямым ослом, раз до сих пор этого не сделал, — твердо отвечаю я, не давая ему спустить все на шутки.

Лэндон усмехается, но в этой улыбке нет защиты. Только тихое, усталое признание.

— Справедливо, — кивает он.

Наконец сажусь на скамейку. Лэндон опускается рядом. Не вплотную, но достаточно близко, чтобы я чувствовала исходящее от него тепло.

— И каков же план действий, мистер Хейс? — спрашиваю я, глядя на брызги фонтана, чтобы не смотреть ему прямо в глаза. — Кроме признания собственного упрямства, что дальше?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.